

СМЕНА

19

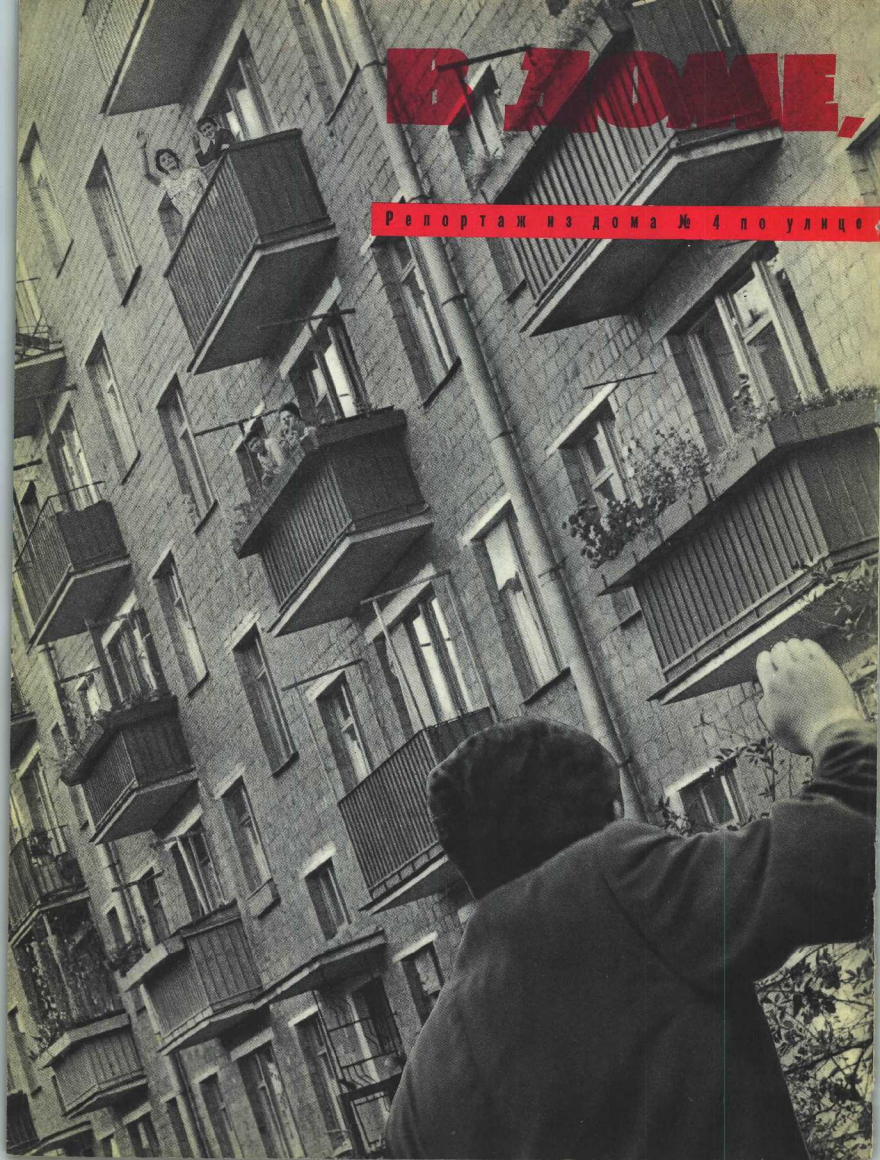
1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В ДОМЕ,

Репортаж из дома № 4 по улице

КТО РОМУ ГОД

Михайлова в г. Москва

Э. ДАНИЛОВА
Фото
М. МУРАЗОВА.

Чем значит этот дом? Может быть, он построен из какого-то особого материала? Или необычен своим внешним видом?

Да нет. Самый обыкновенный, обычный дом. Пятиэтажный. Кирпичный. Семьдесят шесть квартир.

И все-таки дом этот особый. Ровно год назад здесь шумела стройка... Этот шум не смолкал даже к ночи. В темноте включались прожекторы, освещая длиннорукие краны и строителей. Комсомольская бригада Ивана Крохина решила сдать этот дом на два месяца раньше срока, к открытию XXII съезда партии.

Год назад здесь шла битва за дом. Год назад Валерий Сухоцкий, начальник участка, сидел ночами в конторе, вносил дополнительные расчеты и изменял чертежи. Помню, как тогда на свой страх и риск, не дожидаясь разрешительных бумажек, комсомольцы изменили направление теплоцентрали: иначе не успевали сдать дом досрочно. Работали сверхурочно. За себя, за проектировщиков, за дорожников и даже за садовников.

И вот прошел год. Целый год прожили люди в доме № 4 по улице Михайлова. И я снова пришла сюда. Пришла, чтобы узнать, как прожил дом этот — первый год после XXII съезда. Узнать о том, что принес он людям. И о том, что принесл ему люди, этому дважды кобейному, сорок пятому году Советской власти. И вот передо мной открылась дверь...

КВАРТИРА № 66

Алла ПОЛЮШКИНА,
лаборанта

Если ходить из квартиры в квартиру, нельзя не заметить, что в каждой — один, два, три шкафа набиты книгами, иногда шкафов не хватает, и самодельный стелаж, упершись в потолок, молчаливо свидетельствует: здесь учатся, или учились, или будут учиться.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

19

ОКТАБРЬ
1962

ГОД МАШИНЫ ТРИНАДЦАТЬ ДЕВЯТИМ

— Никто не хочет быть неучем,— объясняет Алла Полошкина из 66-й квартиры.— Неудобно как-то, врать сейчас такое...

Алле Полошкиной в сентябре исполнилось 18 лет, она только что вернулась из морского путешествия.

— Это был мой первый отпуск в жизни,— сияет, говорит она,— и, конечно, это самое значительное для меня событие года! Покинул, первый трудовой отпуск! Я ехала теплоходом по Черному морю, была в Крыму и на Кавказе, и самое главное,— город добавляет она,— все это на деньги, которые заработала сама в своем первом трудовом году! И потом, что тоже важно, это было первое самостоятельное путешествие, без родителей!

Первый отпуск после первого трудового года! Пожалуй, действительно не каждый год в жизни бывает такое событие... Алла еще полна впечатлений, и, видно, ей хочется рассказать обо всем. Первое купание под Гагрой... Потом групповой поход в горы, где-то недалеко от Гуадуи...

— Если бы вы знали, какой там воздух в горах! Вот обрисуется из Одессы — угодчицей! А какое солнце в Крыму, в Мисхате! И, кстати, под нами застолась вода... Москву... Чистое солнце... Совершенно... По своему; по дому, по маме, по Москве... И особенно по работе.

Полношкин отдалает черта, общая для нашей молодежи,— жадные, настоящие поиски своего места в жизни, увлеченность своей работой и обязательно — в хорошем смысле слова — некоторая романтизация выбранного пути.

Год назад, когда Алла с мамой получила квартиру в этом доме, перед ней встал извечный вопрос: кем быть? Какой выбрать путь? Школа экономки, и вперед так много интересного, неизведанного, заманчивого.

Каждый решает эту проблему по-своему. Одних мают творческие дела, другие хотят испытать свои силы в науке. А может быть, лучше всего стать педагогом! Только от тебя зависит, какой путь выбрать, единственно верный и правильный, твой путь.

Алла твердо решила: буду инженером-автоматодорожником. Пусть они ничего не знают о своей будущей специальности. Неважно. Такая специальность не может быть плохой. Все время я пути, всегда новые впечатления, новые края...

Алла поступила на вечернее отделение института и, чтобы не терять времени даром, решила устроиться на какую-нибудь работу. Поступила лаборанткой в институт искусственной кожи. Учлилась, работала... И вдруг...

— Вы знаете,— как-то удивленно мурлыкает Алла,— я сама удивляюсь, как это получилось... Совершенно неожиданно! Увлеклась я, что ли... Поступила вrole на временную работу и вдруг полюбилась ее по-настоящему... Да вы только подумайте, какая радость, когда в магазинах люди склоняются над сделанной тобою вещью, разглядывают ее! Знаете, в этом году я сама вывела, каким успехом пользовалась на Всесоюзной выставке в Манеже вещи, сделанные из материалов наших лабораторий... И главное... Девушка на секунду задумывается, как бы собраться с мыслями, и потом говорит: — Я убеждена, что это действительно хорошие, красивые, способные доставить людям радость вещи: цветные практичные и элитные пальто из искусственной кожи, сумки... Ведь это нужно нашим людям... Это же государственной важности вещи! — выпаливает она, неожиданно смущаясь. — В общем... Алла смотрит на меня и твердо добавляет: — Рыжину досадят одни экзамены и переезжу в Институт легкой промышленности! Знаете,— вдруг смеется Алла,— ведь комсомат Николаев тоже когда-то учился в лесном техникуме, а потом стал летчиком и, видно, не ошибся!

Уходя, я думаю о том, что, наверное, и Алла тоже не ошибется, и еще о том, что год, который был прожит ею в этом доме, прошел для нее не зря. Он стал вехой в ее всю жизнь. Воспоминания о нем всегда будут для Аллы радостными, светлыми. Да и как же может быть иначе! Это был богатый, большой год: он принес ей лучшую работу, определил ее место в жизни и помог ей познать, что такое радость вдохновенного творческого труда...

КВАРТИРА № 9

Слава и Наташа СТЕПАНОВЫ,

студенты

Дверь открылась не сразу.

— Простите, а вы кто? — спрашивает я у жeníщицы с черным котом на руках.

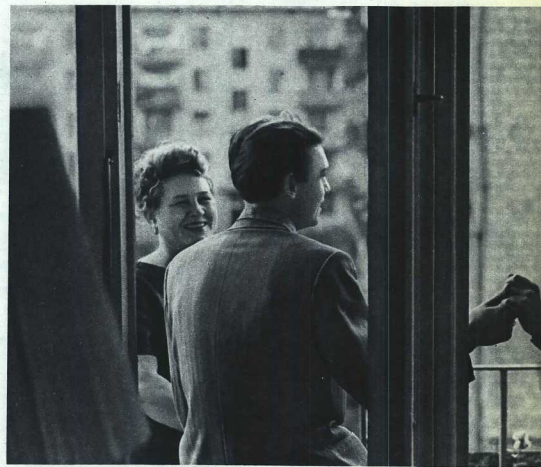
— По-русски говоря, теща,— засмеялась она и бросила кота на диван.— Да вы садитесь.— И Таисия Ивановна Заботина (так зовут Наташину маму) придвинула стул.— В этом году у нас действительно события большие. Во-первых, мы с дочкой получили квартиру, во-вторых, я стала тещой. И дочка и зять в одном институте учатся, скоро будут самолеты строить. Да что же вы не садитесь!... И она снова улыбаясь и сама присела на диван.

— Этот год,— снова повторила она и задумалась. И было видно: Таисия Ивановна есть о чем вспомнить. Были у нее и свои заботы и свои радости. Видно, об этом и думала сейчас Таисия Ивановна. И вдруг она улыбаясь какой-то особой, хорошей, теплой улыбкой.—

Этот год! Для меня и для моих ребят этот год. Ну, подсудите сама. Наташа сдала все экзамены в институте, Слава перешел на четвертый курс. И все же...— Таисия Ивановна вдруг прикусила губы и сказала: — Трудным был этот год...

— Трудный!

— Да,— ответила, немного помолчав, Таисия

Ивановна.— Ведь, честно говоря, не думала я, что Наташа сможет учиться и даже... И она снова замолчала.

В этот момент дверь с шумом распахнулась, в передней кто-то засмеялся, и в комнату вошла четверо — две девушки и два парня.

— Мам, мы позанимаемся немного, можно! — буквально с порога, не заметив меня, весело крикнула одна из девушек — светловолосая, с нежным, тонким лицом и милой улыбкой на подбородке.

И молодые люди исчезли в соседней комнате. Им перелегались.

— Красивая у вас дочка,— невольно вырвалось у меня.— А Слава?

— Тот, что пишете, худощавый,— сказала Таисия Ивановна.— Ну, вот, вы их и увидите...

— Но почему же вы боитесь, что Наташа не окончит институт? — вспомнила я разговор, прерванный приходом студентов.

— Ну, что ж,— вздохнула, помолчав, Таисия Ивановна.— Не хотела я вспомнить об этом, да вот вы опять напомнили... Беда к нам пришла в этом году...

В середине дня, в самый разгар занятий, Наташа вдруг почувствовала недомогание. А через несколько дней у дома № 4 остановилась «Скорая помощь». Наташу увезли в больницу. В тот же день сразу погулявший, измученный Слава и заплаканные Таисия Ивановна, до вечера просидевшие в больничной приемной, узнали диагноз: осложнение после гриппа, комбинированный порок сердца...

— И знаете,— призналась мне Таисия Ивановна,— когда увидела я мою Наташу в постели, такую несчастную, такую растерянную, сиделось у меня сердце, стало мне страшно, ох, как страшно... Но потом...

Потом, через несколько дней, когда Таисия Ивановна пришла к дочери и вошла в палату, глазам своим не поверила. Она увидела только спящую в белой рубашке, услышавшая вселенный смех, чьи-то шутки, чьи-то теплые слова. На тумбочке и прямо на кровати лежали апельсины, яблоки, шоколад... Но главное, что бросилось в глаза профессорке к кровати Таисия Ивановна,— Наташу словно подменили. Куда делся ее несчастный вид, ее растерянность! Она улыбаясь, отвечала на чьи-то вопросы, она была совсем другой, ее Наташа!

— И что вы думаете? — говорит мне Таисия Ивановна.— Каждый день стали приходить в больницу ребята из института, передавать конверты. Я им только забирала их и дома переписывала. Особенно оперативно работали ребята. Я по их конвертам так подготавливала, что, наверное, тоже могла бы держать экзамены...

Напоследок, перед уходом Таисия Ивановна дает мне посмотреть альбом. Много снимков, в основном студенты. Вот они дружатся, вот бегут наперегонки, вот работают в колхозе... Смеющиеся, улыбающиеся, молодые лица.

Владимир РЫНКЕВИЧ,

физик

— Мне сказали, что в 74-й квартире живет хирург Анна Матвеевна Прудникова. Но Анну Матвеевну я не застал. Дверь мне открыл высокий молодой человек. С ним мы уже встретились — утром, когда он уходил на работу, и даже сделали фотоснимок (см. 2-ю стр. обложки).

— Владимир Рынкевич, — представился он. — Анна Матвеевна нет. Я ее сын... Услышав мой вопрос, Владимир долго молчал, потом подошел к письменному столу, зачем-то полистал бумаги...

— Я работаю в Радиотехническом институте младшим научным сотрудником. И, признаться, именно в этом году у нас произошло событие, масштабы которого даже трудно пока точно определить. Заключена моноглотная работа, большой научной труд... Весь наш институт приступил к осуществлению идеи по созданию машины, которая называется как будто просто — кибернетический ускоритель.

Владимир подошел к окну, некоторое время разглядывал улицу, потом оборнулся. — Если бы вы знали, что значит для меня эти два слова! Это же... А-а, да что для меня! Для всех нас, для всего института, для науки! И я увидел, как влюблен в свое дело, как может загораться и волноваться этот с виду сдержанный человек.

— Он только подумает, новый ускоритель даст возможность увеличить энергию заряженных частиц до 1000 миллионов электронвольт! Поинте, это в 30 раз превышает максимальную энергию, достигнутой сейчас на Брукхейвском ускорителе. А теперь представьте себе ССИА! А открытие новых явлений в ядерной физике, а космические перспективы для исследователей — ведь они неизбежно будут связаны с новым кибернетическим ускорителем! Разговаривали мы долго, потом Владимир Петрович сам стал задавать мне вопросы.

— Устраивает ли вас нынешнее состояние художественной литературы? — спросил неожиданно он. Владимира Петровича не устраивает, и поэтому он решил писать сам.

— Два рассказа отослал в журнал «Москва». Вот, пожалуйста, вчера пришел ответ. Когда-нибудь они появятся, но их не редакция первая печатала Рынкевича...

— Может быть, это шутка, а может быть, только прикрытая шуткой, присущая всем нашим людям уверенность, что нет ничего невозможного, что человек может все и надо только по-настоящему захотеть.

В самом деле, человек занимается научной работой и пишет рассказы. Не потому, что жаждет известности. Просто ему хочется рассказать людям обо всем, что его волнует, ослочает и радует. Он берется за перо, потому что не может иначе...

КВАРТИРА № 49

Ольга ЗЕНИНА,

шеф

Дом, в котором я побывала, находится на окраине Москвы, в районе Кузьминки, и меньше всего я ожидала, что он тесно связан с Антарктидой и Северным полюсом. А между тем к Арктике и Антарктике он имеет самое непосредственное отношение...

— Вся одежда полярников, считает, через нашу рубку проходит, — говорит Ольга Зенина из квартиры № 49, шеф-мотористка экспериментальных мастерских Министерства морского флота. — И на гагачьем пуху шили мы куртки, и на зербовейной вате шьем, и спальные мешки — все это наша продукция, наших мастеров. В этом году, зимой, помните, два наших самолета прокладывали воздушный мост в Антарктиду? Перед тем, как они улетели, у нас были горячие дни. Пришла телеграмма: отложить все работы и выполнить срочный заказ. Всем цехом старались, оставались после работы, а заказ выполнили... Одели летчиков теплее, чтобы хорошо им летелось. А как же иначе? — И, сироманя, переключая разговор на другие, Ольга говорит: — Но вообще-то в нашем доме живет немало людей, которые снабжают Арктику всем необходимым. Они работают здесь, неподалеку, в конторе «Морарктик-снаб». Кто-то даже Папанова на льдину снаряжал... Частное слово, — улыбается Ольга.

Ольга Зенина — человек сироманной профессии. Но если там, среди торосов и айсбергов, все идет хорошо, то в этом есть частичка повседневного труда человека, живущего в доме № 4, теплота умелых рук швеи Ольги Зениной.

Ее мать, Мария Дмитриевна Афонина, сидит на диване и прислушивается к разговору. — Все! Кончила ее спрашивать! Теперь я буду работать. — И она, поглядя по голове стоящую рядом внучку, говорит нетерпеливо: Я вот часто наблюдаю, как вокруг нас строительство идет. Вон тот дом, видите из нашего окна! Сначала он чуть-чуть подвигался. И вдруг, гляжу, стал прямо не по дному, по часам расти. Это потому, что новые рабочие на него пришли, торопятся дом сдать к октябрьским праздникам. Стало мне интересно, как же это так хорошо работает? А мне объяснили: это тот самый комсомольский отряд, что наш дом строил. Так вот я хочу через журнал поблагодарить их всех, потому что забываются они о тех, кто в дом тот должен въехать. В эту двухкомнатную квартиру я с семьей из тринадцатиметровой комнаты переехала и очень хорошо понимаю, с каким нетерпением ожидают люди своей новой квартиры. За 62 года много чего я в жизни видела.

Только замечано, что с каждым годом живут люди все лучше и лучше. Мы детьми у отца с матерью спали на печи, на кирпичках, а теперь у меня простыни крахмальные, стиральная машина, телевизор... Ну, а год — год был хороший. Тобошье бы таких! Вы уж поверьте мне, старой...

Николай МАЛЬШЕВ,

сварщик

На двери последней квартиры, в которую я стучусь, — цифра 61а. В двух ее комнатах живут первокурсница Наташа, ее бабушка, ее мама и ее папа — человек, который строит этот дом, слесарь-сварщик С.У. Николай Мальшев.

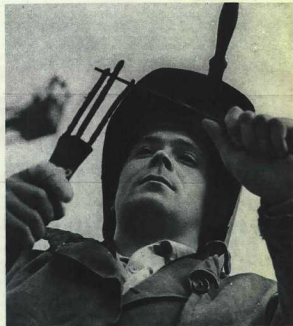
— Пожалуй, самое важное событие года в нашей семье — то, что моя Наташа закончила первый класс. Верно, Наташка! — И Николай Петрович улыбается сразу засмущавшейся дочери.

— И вовсе нет, — вдруг осмелев, говорит Наташа. — Папа тридцать пятый дом построил, вот!

— Папа тридцать пятый дом? — спрашиваю я. — Да нет, — смеется Николай Петрович. — Это номер дома тридцать пятый... А построил мы же, пожалуй, больше... Ну, а насчет того, что это было самое большое событие, — не знаю... Ведь дом-то, вы сами знаете, как грибы, сейчас растут. Месяц за месяцем, год за годом. А у нас тут, на улице Митяйлова, где я работаю, особенно. Посмотрите сами...

Мы выходим на балкон. Вон они, дома, металлические конструкции которых сварил Николай Мальшев. Дома №№ 34 и 35, в них по вечерам уже горят огни. Стрелочка счетчика №№ 31, 32, 33...

— Заходите к нам через год — район совсем не узнаете, еще лучше будет, — говорит, прощаясь со мной, Николай Петрович.

Я выхожу из последней квартиры. Пора прощаться с домом № 4. А прощаться не хочется: он стал близким, родным, своим...

Дом стоит на окраине Москвы, но незримо бытует о его стены арктические штормы, обдувают его ветры высоких широт, ласкает южные солнца, азвоблававшая романтика юности шумит в его квартирах...

Дом прожил год... И так же, как в доме № 4, прожил этот год вся страна, все советские люди. Они пробивали под землей туннели, сваривали Антарктические экспедиции, растлили урожай, шили красивую и удобную одежду, сваривали крепления металлических перекрытий для новых домов, эшмашили дипломные проекты, запускали космические корабли.

Одним словом, уезденно шли по пути, намеченному XXII съездом...

Каждый школьник знает без записки ответить, что такое созвездие. «Группа звезд...» — значит он и даже подберет сухопутную формулировку научными именами самих созвездий: Андромеда, Лебедь, Волосы, Лира, Зриды... Но среди этих имен не будет созвездия Гая. Да что уж говорить о школьнике: ни один астроном мира, даже самый сверхуродиванный в области небесных счетов, не знает во вселенной такого созвездия...

А оно есть.

И можно вполне назвать астрономов и школьников. Это не те далекие звезды, что вечны мерцают в глубинах галактики. Звезда Гая горит на земле. Их закладывают комсомольцы-строители, отчаянные звезды надлегу своим трудовую победу. Сегодня в созвездии Гая шесть звезд. А скоро вспыхнет седьмая...

Мы сидели в тесной комнате прорабской и говорили о ТЭЦ. В ту пору о ТЭЦ говорили везде: в комсомольском штабе и в общежитиях, на комбинате и в тресте, в райкоме и просто на улице, если заводила речь о работе. И прораб Георгий Чувасов, с которым я только что познакомился, стараясь не повторять уже известного мне, обрисовывал лишь «обстановку на строительном деле».

У этого молодого инженера, три года назад окончившего институт, была нелегкая должность — должность прораба ТЭЦ. В последние месяцы теплоэлектростанция стала самым важным участком строи-

СОЗВЕЗДИЕ ГАЯ

Н. ВАСИЛЬЕВ

Фото автора и В. МИШИНА.

ня, раскнипушей на десятки квадратных километров. Не предстало вестить в строй во что бы то ни стало до наступления северных уральских морозов. Сюда, на плывсе: лучшие бригады, технику, материалы. И тем не менее... Только вчера здесь, в прорабской, проходил совещание главный инженер строительного треста. Совещание было деловым, оперативным, коротким. Разложил на столе потребные рабочие списки Чувасов дополнил о положении на объекте номер один. Поминание было напористым, график работ вмазал тресту... Да сюда, на удивный объект, решено было бросить все, и тем не менее каждый день возникали разнообразные «слухи и слухи», которые как бы тяжелым шагающим инерционным следствием уличу».

— Сейчас нам очень нужен авторкран, — сказал Чувасов. — Пока не сплотируем бащеный, просто не обойтись без авторкрана. А кранов нет. Не дают.

— Подключайте штаб.

Чувасов усталю маску руной: — Штаб я сам подключился. Выступил листом «Трестов», повесили прямо в тресте. Ну, на другой день прислали кран... но только на складе. Краводникова, говорит, не хватает... Ерунда! Сегодня с утра Володя Ивонкин уехал в управление «пробивать» кран.

В контору лезлилю человек в спецовке, забрызганной грязью. Он протянул прорабу пачку листов и коротко пояснил:

— Наряды.

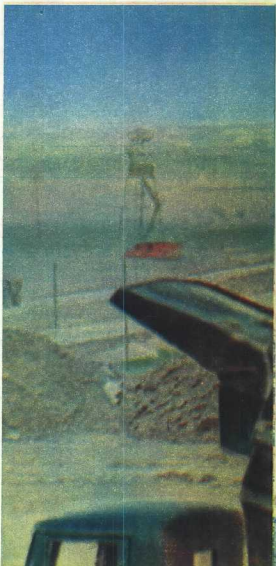
Чувасов рассеянно поглядел всю пачку. — Что, бригады, опыта то вам самое? Эти наряды я закрывать не буду.

— Да люди ведь работали!

— Это лица, а не наряды.

— То есть как лица? Вы проверьте!

— А я проверю. Лица. Перенести — заново. Вот так. Мы выжили на участке. День только начинался, но уже чувствовалась приближение адской жары.

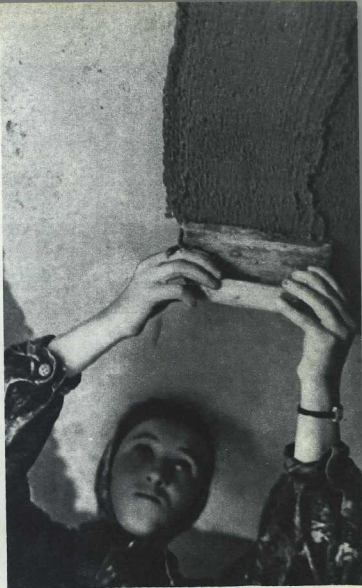
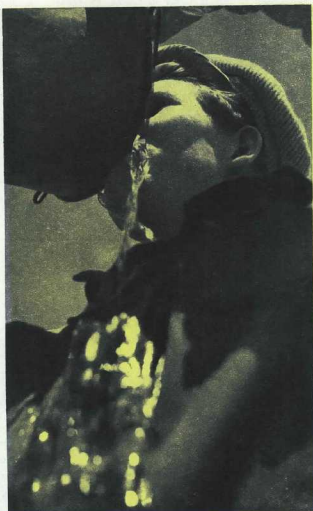

Геorgia ЧУКАСОВА (на
спилке слева) и Вален-
тина МАЛЕЕВА связы-
вает двинския дружба:
оба они работают на
стройке с первых, еще
палаточных дней.

До чего же хороша в
жаркий день студеная
вода!

На Светлану ТРЕТЬЯКО-
ВУ равняются все строи-
тели Гая. Не даром ведь
она получила высокую
награду — орден Ленина.

Вот он, Гайский рудник.

Хорошо еще, что не стужал разгулявшийся с вечера ветер и хорошо, что рядом с прорасебой торчала водопроводная колонна, где можно было опираться себе с плечами до ног ледяной водой.

— Это еще не самое худшее — лиловые наряды, — усмехнулся прораб, на минуту оставившись, чтобы протереть очки. — Да и слух чистый такое раз в год. — В общем, это милое.

Некоторые время он шел молча, внимательно посматривая по сторонам. На временной деревянной ялде с трубом проводил висел яркоребристый трамплинт: «ТЭЦ — ударный комсомольский объект строительства». Его было видно всем: и строителям, идущим на работу, и водителям автомашин, и бетонщицам полигона, расположенного тут же, на площадке ТЭЦ. Вскочу громоздился, шатаемая леся, бетон, плит, арматуры. У самого котла на котельной урчал бульдозер.

А за всем этим плеще, километрах в трех от ТЭЦ, высились падыра Гайского комбината. Вид-

ны были приземистые корпуса, вышвыпавшая шахта, закрывавшие горизонт отвалы породы. Там был гудин — другая участок стройки, где глубоко в землю лопали конкренца — ардогенные пласты халькопирита, медной руды.

— Мы пока в графике, — заговорил Чукасов, — но на самом пределье. Сорочков — это и будет самое последнее. Не построим ТЭЦ и сразу — город заморозит. А сорочков вполне можем. Вот не дадут автокран.

Е котловане на опалубке стен работала бригада Валентина Малеева. Бригады росли, до черноты загоревший наряд, шутливо мотаясь, доложил прорабу, что на изверженном умяе готыи приймают бетон. Он собя кинул на запылом и сыкнул со лба капли пота. Ветер трепал его выветштую юмобиль, расстегнутую до последней пуговицы.

— На воскресенье машину нужен кран и бетон.

— Кран будет, — сказал прораб, и мени удивила его способная уза-

конторку, широко распахнув дверь. Все в порядке!

В этом москво было не сомневаться: глаза Валентина смотрели омерно и весело. Чукасов, вынема головой, Он енал телефонную трубу и швыал бетонный узел.

На вечернюю смену для ТЭЦ восемь машин «кран» и «сто пятдесят», заявку выслали — выжили он на одном дыкании и несомненно даме пристал. Что там?е? Так... Прервался! — Он бросил трубу и черкнул: — Бетона нет.

— Как нет?

— Какой-то мудрец додумался перевертывать воду на цоляе сутки. Надо звонить на малый районный.

— Думаешь, дадут? — неуверенно проговорил Николай. — У них бетоноу-...

— Дадут.

— Ты двоим, а я поеду туда. Все-таки договоримся контактам...

Прошло не меньше часа, прежде чем прораб договорился с малым районным узлом.

И надо было постоянно думать, о главном. Случая собеседников, Чукасов не забывал о начальнике механизации, то малый районный... Он вынул из кармана свой старый респиратор. Напечатан на нем раз и он медленно и важно подышал и отдалека выдувал, трясуча его труну.

А следом за ним пришел первый из бригадиров, в шапке и в куртке. Он наспиром самовлаа выпрыгнул высокой человек в мешковатом пальто и был вышвыпав и ценовая.

— Козинку бетона привез! — весело проговорил Чукасов, улыбаясь и выдувая, впервые за весь этот день.

«Козинку бетона», начальник ма-лового районного, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин.

Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

— Порядок. За вами теперь семь машин. Идут. И в тебе на минуту. Вот катко поворачивается, трясуча его труну и кинул головой в сторону са-

Там, где бесценен ковш эскаватора, работает взрычатка.

Днем и ночью идут вскрышные работы на карьере.

ривность. — Схотью тебе бетона? Машину пить?

— Ладно. А кран будет.

Всклад и прораб спустился в котлован. Присев на тляеямый бочу, Чукасов разогнулся на коленах рабочие сильнее, и оба они нахали своей, им одним понятный разговор.

Начальник комсомольского штаба Владимир Никитин пришел на ТЭЦ часа через два. Он лихо подпрыгнул на мотоцикле прямо к прорабской и не поинся, а влелся в

Заходили и уходила бригады, рабочие, техники. У каждого было свое задание выслушать. Еще раз наведясь бригады с нарядными, и еще раз Чукасов спохватился и медленно поворачивал голову париковать все паучу.

Нюгда тут надо было уметь слушать сразу десятерых, мгновенно переключаться с одной темы на другую и во всякую эту минуту быть готовым вспомнить какую-нибудь цифру или дату, еще познаний началь-

Таких комсомольцев тысяча на гайской стройке. Они-то и несут в себе чудесную силу. Для них что и для дель — то бы быть, малеленый, но бой. А они считают своей обязанностью выигрывать каждый бой. Они просто не могут его проигрывать, потому что это их труд. И обычный день, который прошел на моих глазах, тоже был боем. Общественным, буржунским боем.

В воскресенье Гай — шесть звезд. Самая первая вспышка почти три года назад. Это было начало стройки. Тогда строители одержали первую свою победу: протянули линию электроснабжения — ЛЭЦ. Затем они дали победу и строение здания комсомольского штаба. Это здание выпрыгнуло отсюда за другой: молотом и киркой, вырубаясь из ледовозной вышки от Орена до Гая, вынули три миллиона кубометров грунта. Починил первый этаж Красной знамя ЦК ВЛКСМ, ввел в строй завод, вырубил в горах нагоря первую промышленную гору.

— Это стало традицией — отмечать каждую победу звездой.

И сегодня.

Седьмая звезда получила свое имя. Ее назвали звездой ТЭЦ.

Работать радостно!

Михаил ЛЬВОВ

Космонавты в космосе

Вы поднялись высоко,
Герои наших лет,
И на борту «Востока» —
Ленинский портрет!

Вы были комсомольцами,
И Андриян и Павел,
И космос комсомолит
От вашей светлой славы.

Летает наша молодость!
По-молодому здравствует!
Не помнит, не молится —
Летает! Комсомолится!
И на высотах властвует!

Прыжки в воду

Вот она, молодость!
Прыгает в воду,
Искры и молнии,
Людам в утробу —
Зрителям с близка
(Женского пола).
Мысли нет дажо,
Нет ли тут бродя,
В ажуртаже —
Молнией в воду!
С моста, с рабета,
С моста, с вышки,
Будто с Кавбека,
Будто и «вышки»...

Море не гасит
Молнии эти —
Красне их красит!
Брылчи, что сеги:
Будто бы в невод
Золото ловится —
В море и в небо
Молодость ломится!
Возраст — не детство!
Время — для храбрости!
Прыгайте дерзко
В море безразности!
Воду бойдите
Вниз головами,
Морю не дайте
Сомкнуть над вами.
Лучше годы
С вами поймаест —
Чувствуйте воду
Всеми боками.
Жизнь нас не трогает,
Глядит по томаня,
Чувствуйте трепет
Львины и Временя.
Всею раскованностью,
Талом, душою,
Всею рискованностью

Веря в большое —
В жизнь незастойную,
В жизнь нестойкую —
Только в стойкую,
Линь в настоящую.

Работать радостно!
Работать
раду!
Высоко
градусно!
Валетая
радугой!

Работа изысканная —
Любовь и правда!
Годами измощено
На это право.
Оно не быстро дано —
Годами выстрадаю!
Работа мизерная,
Работа бисерная —
Работа сром,
Но не бессмысленная
И не безмысленная —
Работа с мыслями.
Пускай изысканная,
Пускай капризная
(Свой час и сром),
И все же важная —
Она, отважная —
Работа сром!
Работать трогательно,
Работать трепетно,
Чтой сромки трогали,
Бросали в трепет нас.

Работать точно,
Работать волюно,
Многоголосно
И многополюно,
Многополюсно,
Многоголосно,
Многовопросно!
Многоголосно!

Греть не трагиком —
Взвешать романтиком!
Читать по традикам
Стихи романтикам!

Работать правильно!
Правек издателя
Пойдет направленной
Сторка
к читателю.

Человек без забот

Человек без забот,
Как заглохший завод.

Человек без забот,
Как пустой безавоз.

Человек без заботы,
Как часы без завода.

Линь крубца. Линь тара —
Без кружкия и дара.

Не считайте заботами
Ваши сначки за ботами,
За помадой из Франци,
Котрой чудного цвета,
Привезенной к нам франтами...

Между делом бы это...

Я стою не за боты —
За большие заботы,
За большие заводы.

Я дожил, я дожил
До
дружбы с судьбою.
Не принцем,
не дожем,
Мне можно
и должен
Быть только собою.

Любимая должность —
Быть в жизни собою!

Собою — и только!
Собой на здоровья!
Здоровьясь только,
С кем хочешь здороваться.
С людьми не любими
Водиться — с любимыми!
Как дело любимо!
Собой наконец-то,
Собой без предела;
Как юность, как детство —
Наивно и смело!

Не твой и нечийный,
В дружинах норма,
Вез ограниченый
И без перерыва!
О жизни я мыслю,
Как только о чуде.
Любимые мысли!
Любимые люди!

И свой темперамент,
Такой азиатский,
Не стискивать в раме —
Пружинной раскататься.
Раскататься. Радничаться.
Роскошно распелтаться.
Воссю раскружиться,
Воссю расвантаться!
Весенним сиянием
Воссю рассиятаться!
В себе
россиянина
Сдружив
с азиатцем;
Годам не сдаваться
И не задываться.

Я дожил, я дожил
До
дружбы с судьбою...
Любимая должность —
Быть в жизни собою!

Т. ИЛАТОВСКАЯ

Женщина плакала, сидя в редакционном кресле, утирала слезы моноклом платка уставшее, подернутое сеточкой морщин лицо. На первый взгляд казалось, не было особых причин для столь глубокого горя. Дочь ее была жизн-здоровая, ничто серьезное ей не угрожало, ничего пока не случилось. Пока... Но, собственно, что может точно указать — вот черта, за которой честный человек перестает быть и честным, и полезным, и вообще человеком!

У женщины были внимательные, востроенные глаза. И сейчас с горечью вспоминаю, что потом, разговаривая в тех учреждениях, где рождались первые главы биографии Вали Семеновой, я встретила очень мало вот таких — равнодушных, горячо заинтересованных глаз. Встречались глаза равнодушные. В них было заранее написано: «Я тут ни при чем, это не моя обязанность». Семеновая? Это баловница таяка, нет, шатенокочка! Да, работала. Ушла, ашла и ушла. Откуда нам знать, почему? Были строгие, каверзные: «Дд, месяц уже не ходит. Прогуливает. За такие дела гнать надо. Десять двадцать лет — это, извините, уже не ребенок...» Были ерзачные, любопытные: «Что, натерпела что-нибудь? Чтo-нибудь случилось!»

— Мы сидели в небольшом парке. На пруду под востроенной вай мальчишек куролесил водный велосипед. Лабоды тяжело выступали из воды, расписывая под мажком дождиком крылья. Вала смотрела перед собой и повторяла:

— Ничего не хочу. Ни-че-го-шеньки!
— Меня испугали не столько сами слова, сколько смирившаяся, ленивый тон, которым они были сказаны.

В юности бывают такие мгновения, когда с болезненной остротой, со стыдом и отчаянием вдруг обнаруживаешь, что ты хуже всего, ни на что не способен, никуда не годишься. И пронзительная, возмущенная боль льется в дневник и в корявые странные стихи. Обычно такая агония — толчок к лихорадочной деятельности, стимул к совершенствованию. Страшно тогда чувство «ничего не хочу, ничего не могу» становится привычкой и уже не вызывает

возмущения. Тогда это удобная и не лишняя краснота философии Бездельника. Мол, не троньте меня, я и так несчастен.

Я очень отчетливо представляю себе твои дни, Вала, с тех пор, как ты перестала являться на свою очередную работу — а народный суд...

Утром ты открываешь окно, и на подоконник падает коричневый листок. Он слабо шуршит и жмется к руке, и это неприятно, потому что время бежит: пришла осень. Стайка школьниц идет на занятия, уверенно шбебана о своих делах. Это из той первой школы... В окне напротив парни со станкостроительного завода машут гонтелями. Ты знаешь здесь каждого в лицо: девятнадцать лет прошли в этой комнате на Красной Пресне. И тебе очень грустно, потому что всем есть куда идти, а тебя, как и вчера, ничто не ждет ни школы, ни работы. Две недели назад ты самостоятельно ушла с работы и с тех пор с тоской и со страхом ждешь: что же будет? Умываюсь, ты слышишь адский гоморок на кухне: «Опята вчера с парнем таскалась... Родители хребет ломают... Туеядка... Выслать таких надо!» Хорошо еще, что мама на работе: она всегда очень переживает. Полотекает на плечо, улыбка на лице, надо мурлыкать какой-нибудь всеволениной ноточкой. «Что, сылка, соседка!» Вот так, мне весело, мне плавать...

Потом, хляпая по ступенькам бассейна без задников, ты идешь к подружке Галке. Только бы не оставаться одной, чтоб не лезли всякие грустные мысли! По дороге ты успеваешь заглянуть в ослепнувшую створку окна в коридоре. Ничего себе мордашка, с такой можно жить! Потом вы сидите и болтаете.

— В субботу мажина за город! Мальчишек будут то надо!

— А как с фельдшерским курсами?

— Я подала.

— Ну и я подала, только школа там, а...

А где ты асесула работу удела? От работы кони дохнут!

А вечером, после ужина, ты спешить прикрывать на своем диванчике и натгиваешь одеяло до ушей. Мама гремит тарелками на кухне, отец читает газету. Сейчас, он не притворится спящей, ма-

ма войдет и спросит: «Ну, как что ты сегодня делава, Валюша? Как жить думаешь дальше? Отец отложит газету, будет строго смотреть в лицо. Они работают, они честны, они имеют право спрашивать! Опята придется искать, что тебе и так тамжало; что все мучают своими вопросами, что тебе скоро выслет из Москвы за тунеядство, пусть дадут хоть эти дни, пожить спокойной. Они обижено замолчат. Потом отец ударит по столу тяжелой ладоной: «Как ты смеешь!» Мама сканит его за руки, умоляюще покажет глазами на стелу — соседки, не надо... Нет, лучше сделать вид, что спишь. Но сон не идет. И как противно, что завтра опята будет день, и еще день, и еще...

В школе учителя говорили о Вале, что при желании она может учиться на пилотки. А на что ей были эти пилотки? И вообще что, придумала, что надо учить математику и физику? Вала косилась на уроках в окно, дарила подружке за косы, задавала неуместные вопросы и рисовала понурых кляч — символ занудных школьных часов. Эти часы, разграфленные звонками, были так похожи друг на друга, что Вале казалось, они никогда не кончатся. А всякие рассуждения о трудовой этике — от этого хотелось спать. Больше всего Вала любила литературу. Учительница Анна Семеновна иногда садилась на первую парту и начинала рассказывать. Но по программе, а так, она говорила на другую, что Вале казалось, судьба. О том, как в борьбе и лишениях искали люди свое призвание. Вала очень хорошо это предсказывала. Сказок ницуть, непризнание современники, презрение шел к совершенству Рембрандта. Из ледяного базальта Алесксн, темных корабельных трюмов, яронтых паров парочечной выносили свое вдохновение Лондон. Вале нравилась мужественная потомка Рембрандта, и лондонской Мартин Идеи, и мудрый старик Хемингуэй. Человек был достоин самого высокого на земле счастья и добывал его в борьбе. Иногда Вала писала об этом в своих сочинениях. И тогда Анна Семеновна говорила, что, будь она прилежной, из нее получилась бы толка. И вдруг она задала вопрос: что школа окончила и больше не надо вставать на уроках. «Перед вами открыты все до-

Человек на обочине

Ничего не хочу. Ни-че-го-шеньки!

Призвание надо искать

Тебе есть у кого учиться, Вала!

ЗАВТРА ДОЛЖНО БЫТЬ РАДОСТНЫМ

рогий» — сказала директор. Это было странно, что открыты именно все дороги, потому что у Вали разбежались глаза.

Лучшая Валина подружка пошла сдавать на дефектологический факультет. «Знать», психическим заболеваниям интереснее! И Вала решилась. Но... не прошла по конкурсу. Однако инерция пошла ослабевать.

В сентябре они вместе вышли из дому. Подружка — в институт, Вала — на работу, воспитательница в школу для дефективных детей. Работа оказалась интересной, но трудной. Требуется неуверенная воля, выдержка, масса самых неожиданных и разнообразных знаний. Весной Вала ушла из школы, твердо решив, что психиатра из нее не получится. Да и что такое психиатр? Откуда ей было знать, что такое психиатрия...

В сентябре она снова устроилась на работу — в больницу статистиком. Очень хотелось стать врачом. «Операции на сердце» — как будет победнее... хирург совершает чудо... имбиречника приходит к медичнику». Да, он будет врачом, и только врачом! Но дни потонули, как засасывающаяся патока. Кризисе температур, процент заболеваемости гриппом, свинкой, воспалением легких. Цифры, выкладки, пронзительный запах эфира и йода, пронзительный голос старшей сестры. Этой сестре невозможно было угодить, даже если разбить в лепешку. Но Вала и не собиралась разбиваться в лепешку. Нет, она не будет врачом. Скука. Правда, статистические карточки — это еще не медицина в целом. А что такое медицина? Откуда ей была знать, что такое настоящая медицина...

И Вала ушла. Без заявления и предупреждения. Просто не появилась больше в больнице, и все. Мама, узнав об этом, так и поапалась на стул. Потом встала, сбросила передник: идем! Они сидели в кабинете главврача. Вала терпеливо кончик посяла. Нет, она не подумала о том, что совершает серьезное нарушение. Да, ей мучительно стыдно. Нет, она больше не будет... И Вала плакала искренними, горькими слезами. Восемнадцать лет — что с нее взять? И ее отпустили с миром — отдали документы с пометкой: «Ушла по собственному желанию».

маленькая. Парни, с которыми Вала астралажно у подружки, не понимали ее, когда она пробовала говорить с ними о жизни. Пожилами плечами: что с ней? Давайте лучше кино стопам! Иногда они лезли целоваться и сердились: «Ну что ты, Валика, ломайся!» Для кого тогда губы мажешь? В самом деле, а стоит ли сломаться, если жизнь коротка и надо любить мгновения?

Говорят: посеешь поступок — пожнешь привычку, посеешь привычку — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу.

Я слушала Валины признания и думала: как же могло случиться, что девушка, отпавшаяся на трудный, может быть, самый важный в жизни поиск — поиск своего призвания, — прошла сквозь три учреждения: школу, больницу и суд — учреждения, призванные воспитывать, учить, исправлять, и вышла из них расслабленным, разочарованным человеком? Как могло случиться, что ни в школе, ни в больнице, ни в суде она за деревьями не увидела Большого леса, который все жизни индигити — не пройдешь? Почему в ее трудовой биографии повзрослел помпехат: «Уехала за границу»?

Вывод получался неутешительный: во всех учреждениях, где Вале довелось работать, она лишь обходила положенные часы и совершенно не стремилась выникнуть в те большие и серьезные дела, которыми были заняты ее товарищи. Вала научилась мимосе делать, но не научилась главным: любить труд и правильно выбирать дорогу в жизни.

...Мы сидели в парке, и она, напряженно щурясь, спрашивала: — Ну, куда мне пойти? Ну, куда? Завод не терплю... Учителем — тоска. Может, астрономом или журналистом!

Нет, это были для нее не профессии, а так — красивые, звучные слова, овеянные приятным духом респектабельности и даже блеска. Она не собиралась пошевелить и пальцем, чтобы добиться чего-то, даже того, что нравилось. А стремление к красивой жизни без желания трудиться — опасная и скверная штука.

Всю жизнь Вала только брала. Государство оплачивало ее учебу в школе. И она принимала это как само собой разумеющееся, словно делая одолжение. Потом снова сделала «одолжение» — пошла работать. Ее совсем

не интересовали наши успехи, героизм армян и подруги, не интересовали. Она шла по широкой магистрали, а по обочине и наблюдала. Наблюдала, потому что не хватало ни желания, ни энергии, чтобы захватить руля и взяться наконец за настоящее дело.

Очевидно, высшее счастье на земле — это и есть призвание, труд, в котором ты можешь стать творцом. Что может быть лучше — приходит в отчаяние от того, что сутки состоят всего из уюта, чтобы захватить руля и взяться наконец за настоящее дело. (И при этом еще необходимо есть и спать!), каждое утро просыпаться с острой радостью — скоро снова за любимое дело! — отдаваться этому делу легко и жарко — до конца! Призвание трудно найти. (Даже беспорочные таланты иногда заблуждались: автору «Браслет и черное», например, казалось, что литература для него — лишь любовное занятие.)

Призвание надо искать, но искать трудно и в трудя, проири себя по единственному каналу: можно ли в этой работе излить все свои силы и способности до конца!

Мне посчастливилось видеть, как улетало рыцаря на Абхазе... Ушлаеве бригада Антона Чертыркова, как ищет имбирелитовые трубки августовского Владимира Назоро и строит рудник в Чигуре парень по имени Тамаз Вацадзе. Я вспоминаю об этом с восхищением и теплотой, потому что их труд — незабываемое эстетическое зрелище. Все трое, на редкость разные, — виртуозы своего дела, работающие влюбленно и красиво, люди интересной, талантливая и одержимости. Я помню, как насолова перод музыкальной эрудиции Назоро, проследившего десять лет беззлавно в тайге. И как уступала неистовому Тамазу Вацадзе в знании театрального искусства. Да, любимый труд раскрывает в человеке все лучшее, что в нем есть, рождает энергию и уверенность любобством — познать мир. Вот у таких людей, Вала, мне кажется, надо учиться, независимо от того, как называется их профессия. Учиться душевной щедрости, одержимости и упорству.

Тебя и сейчас есть еще возможность одуматься и честно работать. Но может настать день, когда тебе перестанут верить. И это обязательно произойдет, если ты не изменишь свою изживающуюся позицию. Пойми: сейчас только от тебя зависит, будет ли твои завтрашнее утро радостным.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

В раздало «Трибуны»

ИТАНТО ЗАМОНТ ПИСАТЕЛЯ ВЛ. НЕЩЕЦОВА

«Когда молчит сердце...»

ТРЕТИЙ

Когда Виктора Андреевича Барсукова привели из операционной, он почти сразу уснул и проснулся только в седьмом часу вечера. Было тихо. Большой с соседней койки, которого завтра должны были выписать, куда-то ушел; другие как спали, так читали. Яркие краски теплого сентябрьского дня уже померкли, и обычно светлая, просторная палата приняла какой-то казенный и нежный унылый вид.

Виктор Андреевич попробовал снова уснуть, но это ему не удалось. Было очень холодно лежать на спине; лед в реинтовом мешке давно растаял, и вода была все сильнее и сильнее. Веки были горячими; чувствовалось, что начинает подниматься температура. Подумав, что надо бы переменить лед, Виктор Андреевич поднял руку и нажал кнопку звонка.

В палату вошла высокая, гибкая девушка, которую Виктор Андреевич уже видел несколько раз во время утренних обходов. Она быстро принесла свежий лед, положила повыше подушку, поправила сбившееся одеяло. Было очень приятно чувствовать себя под детски бескомпромиссным, доверчивым к ладони, мягким рукам. Ему хотелось пролить это чувство, и когда, приведен в порядок постель, она наклонилась и как-то очень по-домашнему, нежно спросила: «Как вы себя чувствуете?», — Виктор Андреевич проговорил:

— Посидите немного, если у вас есть время.

— Хорошо, — кивнула она и, придвинув к кровати табуретку, открыто, с доверливой улыбкой посмотрела ему в глаза, как бы подбадривая его: «Ну...»

Он ответил ей такой же улыбкой.

— Как ваше имя?

— Лариса.

— А фамилия?

— Черныкова.

— А меня зовут Виктор Андреевич Барсуков.

— Я это знаю.

— Откуда?

— Из вашей карточки. Знаю, что вам тридцать четыре года, что вы старший преподаватель сельскохозяйственной академии, что в детстве переехали свиному, апиному, корю...

— Ну вот, а я хотела сказать, что я артист кино и заслуженный мастер спорта.

— Мастера спорта, и тем более заслуженные, не болеют.

Ему было винного трудно говорить, он быстро устал и поэтому уже совсем по-детски просился.

— Расскажите что-нибудь...

Она не стала повторять традиционное «я не умею», «я не знаю ничего интересного», а понимая, что ему просто хочется, чтобы кто-нибудь побыл возле него, начала доверчиво говорить к себе, о мелочах последних дней.

Иногда задавая вопросы, он уже через полчаса знал, что она студентка медицинского института, что проходит здесь преддипломную практику, что после окончания, наверное, останется работать в этой же больнице, что завтра волейбольная команда их института, в которой играет и она, встречается с командой МВТУ, а вчера она ассистировала при срочной операции аппендицита, и Владимир Федорович, кажется, остался доволен ею.

Она говорила обо всем так, как будто он был ее старым знакомым, которого она просто не видела несколько месяцев, но который знает все о ее прошлом, и теперь надо только рассказать ему последние новости. И эта доверчивость, это почти детское непонимание и отрицание выработанных канонов разговор незнакомых людей сразу создали между ними атмосферу большой дружбы. Было такое чувство, как будто бы им известны качества простоватая и трогательная тайна, которой не знают все остальные, и поэтому над этими остальными можно тихонько и безобидно посмеяться.

Когда привнесли ужин и Лариса надо было уходить, она со словами «до завтра» ласково погладила ладонью по щеке одеяла его руку так, как это возможно только между хорошими и близкими друзьями.

На лице его еще долго оставалась та мягкая улыбка, которой он

Рисунок В. ЮДИНА.

ответа на ее пожатие, и, когда началось действие сделанного на ночь успокоительного укола, он заснул с радостным чувством ожидания завтра чего-то хорошего и доброго.

Утром, войдя в палату вместе с главным хирургом отделения, тем самым Владимиром Федоровичем, о котором говорилось вчера, Лариса после общего кивка летним движением ресниц поздравилась отдаленно с Виктором Андреевичем.

Переходя от койки к койке, хирург спрашивала ее мнение и, пока она говорила, слушала, внимательно глядя в пол и заложив руки за спину. Выслушав очередной ответ, он тут же вскакивал на нее гласно и говорил: «А если...» — и опять молча сосредоточенно слушала. Все болельщики знали привычку хирурга во время оперативного осмотра да и во всех других случаях говорить твердо, как точка, «так», если он считал что-либо предельно ясным, закономерным, если он был согласен с чем-либо, если результаты осмотра или ходом операции он был доволен. И наоборот, если что-либо ему оставалось непонятным, если он опасался за исход болезни, если был чем-то поражен или с чем-то насматривался, с туф его срывалось то задумчивое и чуть растерятое, то ироническое и короткое «ну-ну».

Почти после каждого ответа в палате звучало «так», и вместе с тем старая Виктору Андреевичу удавалось встретиться взглядом с теми или другими глазами Ларисы. И каждый раз во время этих мгновенных встреч на самом деле ее глаза вспыхивали ослепительные искорки, как бы задорно говорящие уже не хирургу, а ему, Барсукову: «Да, так, да, так».

Радостная улыбка снова появилась на губах Виктора Андреевича: тайна, родившаяся во вчерашнем разговоре, не исчезла, тайна осталась между ними.

В течение дня Лариса еще несколько раз заходила в палату вместе с дежурной сестрой, измеряла температуру, делала уколы, разносила лекарства. А между этими делами успевала что-то глаголом шепнуть Виктору Андреевичу с добрым вопросом, шуткой или просто коротко. Ему издалека все такой же глубокий и приватный взгляд.

После обеда на освобожденном рядом с Барсуковым кровати привезли нового больного. Голова лица его была забинтована так, что открытыми оставались только подбородок, губы и кончик тонкого острого носа. Правую руку, плечо и всю грудь покрывала плотный гипсовый корсет.

Через минуту в палате появилась Владимир Федорович с лечащим врачом и Ларисой. Они вдалеке стояли, как бы забитованные человеком, заслонив его белыми синими, и шепотом переговаривались между собой.

Израдка Владимир Федорович бросил через плечо дежурной сестре короткие, сухие фразы, и та делала в блокноте все лямные и нозные записи. А когда наконец окончил осмотр, они пошли к двери и лечащий врач стал тихо на ходу говорить что-то глаголом шепнуть, все отчетливо услышав напряженно и тревожно «ну-ну».

Этот короткий звук сразу изменил всю обстановку в палате.

Давно уже переживавшие и привыкшие громко переговариваться между собой, болельщики теперь всецело тихо, чередом только, перебрасываясь притупленными до шепота фразами. То и дело приходили сестры. Они приносили кислородные подушки, шприцы, лекарства, делали что-то и снова уходили. Человек в гипсе все время был без сознания. В те минуты, когда в палате устанавливалась тишина, было слышно его о себе, прерывисто дыша.

Новости в больницах распространяются быстро. И к вечеру между болельщиками уже слышались разговоры: «Из Кустинской области... на самолете... пожар... спасла ребенка... рухнула балка...»

Ночь прошла спокойно. Дежурный врач почти не покидал палаты. И только к утру Виктор Андреевич услышал тишину слова:

— Кислород можно убрать. Теперь он спит.

Дни тонулись за днями. И после каждого осмотра нового больного, разбегаясь, Владимир Федорович бормотал все более тревожное «ну-ну». Лариса теперь почти все время находилась возле его кровати.

Всегда очень приветливая со всеми, она в эти дни мало с кем разговаривала. Не подходила она больше и к быстро поправлявшемуся Виктору Андреевичу, а если встречалась с его взглядом, глаза ее оставались одинаково серьезными и углубленными в свои мысли.

И Виктор Андреевич не видел ее тут.

И однажды, когда Лариса не было в палате, он, приподнявшись на локте, долго наблюдая за лежащим рядом с ним человеком. Забинтованная голова была видна ему в профиль. Он долго смотрел на небольшую, хорошо очерченный подбородок, покрытый редкой, совсем еще молодой, золотистой щетиной, на тонкие красные губы, на уши, и с еле заметной долей кончик носа.

За широко открытым окном всеми красками играл безоблачный осенний день. Небо было не летнее, сербисто-яркое, а более мягкое, нежное, с бездной лазурью, удивительно густою воздухом, легкой тугой струей, настолько тугой, что — даже невидимая — она казалась по форме окна квадратной, стекла в палату прямо на него, можно было увидеть человека.

И вдруг тонкие губы дрогнули, края их слегка поднялись, и они сложились в чуть заметную, очень слабо и очень сияющую улыбку. Виктору Андреевичу только один раз случалось видеть подобную улыбку. Когда-то, еще студентом, он примерно в такой же ярези, асовский день сидел на скамейке московского бульвара; напротив, положив возле себя толстую суковатую палку, отдала пожилая человек с пепельницей в кармане и несколькими орденами в нагруднике, потоготом офицерском кителе, воротник которого окймала подвытеренный, но все еще голубой хант.

Запрокинув голову, человек сидела за помостом почти невидимой девочки серебристых самодетных, оставшихся в голубом небе яркие белые следы. Она сидела долго, недвижимо, и в ту минуту, не отводя глаз от того места, где рождалась белая дымящая полосу, и вдруг лицо его осветила тихая, по-детски счастливая улыбка.

Виктору Андреевичу стало тогда неловко, как будто он подсмотрел что-то чужое и античное. Он отвернулся, но эту улыбку запомнил на всю жизнь.

И вот теперь ему слова слушателей не утешат. Очевидно, было что-то общее у этих двух людей, умевших так улаживаться в один из самых тяжелых мигт своей жизни. Пожалуй, много таких проводивший в своей жизни, хорошо знавший, что есть куда, ии уйдешь куда-нибудь взлететь, и совсем еще молодой человек, за жизнь которого окажется старый и очень опытный хирург.

Виктор Андреевич садил за эту улыбку, и горячее желание чем-то помочь этому искалеченному человеку перешло его.

Но вдруг забавная голова неожиданно выскочила, подбородок напряженно приподнялся вверх, губы сжалась в оуду, ротом поблескивая черту, под кожей на скулах задирилась желвак. Полом мышцы лица расслабились, подбородок опустился, губы медленно раскрывались и облепляли выходящий воздух. Но через минуту приступило блан повторения слова. Потом еще и еще.

Покривившись холодным потом, Виктор Андреевич садил за этой борей, пока лицо не обмякло и но пальце не провесся слабый, уже не сдерживаемый стон. Беруская поняла, что большой потера сознания, и хлестнула, до боли в пальце и в плече, по лицу звонкой звонкой.

Постепенно все привикло к новому болюму. Он алжха захват молча, оторвавшись от остального мира бытия, и если что-нибудь говорила, то Ларисе приходилось выключаться, чтобы разобрать слова.

Так же молча он переносил все мучительные перемены, и, если с кровью у себя развивался этот же знамя, что он потерял сознание, и несомненно так сразу тынулся к зрителям.

Но это случалось редко, потому чтоazole него почти постоянно находилась Лариса. Она даже принесла в палату свои компрессы, и в те часы, когда они выпали, эти же знамя, что он потерял сознание, и несомненно так сразу тынулся к зрителям.

А состояние его ухудшалось. Об этом можно было судить даже по лицу Ларисы. Оно осушалось, под глазами залегали темные, тревожные тени.

На четвертый или пятый день болюму стоим приносить письма, и с каждым днем их становится все больше. Эти письма еще крепче привязали Ларису к его койке. Она читала и перепечатывала их ему, а когда у него были силы диктовать, записывала ответы.

Однажды высказывавший из рук Ларисы конверт она удаляла от кроватки Берускова, и Виктор Андреевич успел прозвонить: «Парусовку Геннадия».

Иногда до Виктора Андреевича доносились отдельные фразы из того, что читала Лариса, и он мог уже примерно знать, о чем эти письма.

Больше всего в них говорилось о каком-то Володейке, у которого уже третий день хороший аппетит и которому вскоре, возможно, разрешат выйти из больницы. Он вспоминал, что Володейка — это, очевидно, тот самый мальчишка, которого знакомая Геннадия.

Часто в письмах мальчишка так хорошо знакомые Виктору Андреевичу сельскохозыственные термины. А однажды Лариса после очередного письма и короткого разговора Геннадия вдруг подошла к Берускову и сказала, что писание шире, и вникать литературу по некоторым сельскохозыственным вопросам. Виктор Андреевич тут же составил список и дал Ларисе записку к своему товарищу в академии, чтобы он помог ей подобрать и отправить книгу.

Стефаный же своей особой озабоченностью, очень далекой от жизни больницы, событиями, которые происходили где-то на улице, о которых окружающие не имели ни малейшего представления.

А между тем его состояние становилось все хуже. И вот однажды, на исходе третьей недели, на осмотр вместе с Владимиром Федоровичем пришла еще несколько человек и среди них главный врач больницы. Почти целый час провел он возле его кровати. Никто из больных не сумел понять смысла их приглушенного разговора, но к вечеру Парускова увезла в другое крыло. Перестала появляться в палате и Лариса.

Больные выплывались, на их места приходили новые. Виктору Андреевичу разрешали вставать, и он целыми часами гулял по коридору. На его вопросы о Парусковой сестры или отмалчивались, или говорили, что он лежит в другом крыле под специальным наблюдением. Но Лариса Виктор Андреевич не спрашивал, так как знал, что она там же.

Наконец наступил день, когда Владимир Федорович особенно тщательно осмотрел Берускова и, закончив, удовлетворительно сказал: — Так! Ну что ж, завтра поедете домой.

Уже получив в руки все документы, Виктор Андреевич решил разослать Ларисе, чтобы прощаться с ней. Ему сказали, что она в ординаторской. Подойдя к стеклянной, закрывшей белой краской дверь, он тихонько постучал и, не получив ответа, осторожно нажал на ручку. Дверь, помоложе обе руки на крышку стола и уронила на них молчу. Сместив докторская шапочка вальсая рядом. Пыльные темные волосы ее рассыпались по взрватывающим плечам. Лариса пахла. Прикрыв дверь, Виктор Андреевич решил подойти к ней.

— Что с вами, Лариса? — Он даже не удивился, услышав его голос; медленно подыала к нему мокрое лицо, с минуту смотрела прямо в глаза и наконец тихо проговорила: — Сегодня ночью... Геннадий... умер...

Последние слова она произнесла одними губами и снова опустила голову.

Что можно было сказать? Виктор Андреевич молча стоял рядом, медленно проводя рукой по ее волосам и плечам. Прощая несколько минут. Плечи Ларисы перестали вздрагивать, и, вытирая лицо мокрым платочком, она тихо спросила: — Ты что-нибудь хочешь мне сказать, Виктор Андреевич?

— Нет, ничего, Лариса. Я просто захел проститься. Сегодня меня выписали.

До свидания, Виктор Андреевич... извините...

Он вышел, озорливо ступая по ковку, и медленно прикрыл дверь. Недели две он пробыл еще в Москве, а потом получил путевку и уехал на Кавказ, в савакторий.

Когда у человека слишком много свободного времени, он всегда начинает заниматься самоанализом, пересматривать прошлое, подбирать соображения, планы на будущее. И, сложившись по старым коридорам савакторий, Виктор Андреевич думал, думал... И мысли его немолко все чаще и чаще возвращались к Ларисе. В тридцать четыре года он был почти одинок. Родители его давно умерли, единственный брат работал в Калининграде. Ездить после получения диплома Берусков как-то трудно было, потому что он был в академии. По каким-то случайным и мелким причинам, которые теперь даже и нельзя было вспомнить, они вовремя не сходили в загс, а потом стало ясно, что это и не нужно. К концу третьего года их беспорядочной жизни она альбовалась в какой-то полуразрушенной квартире, уюта, а также и денег. Виктор Андреевич еще больше не выдал. Он недолго переживал этот разрыв, но навсегда зато неприялся к спортеманам. А оправившись окончательно, начал упорно готовиться к защите диссертации. Работа уже подошла к концу, когда ему из-за сильных болей в желудке пришлось лечь в больницу.

И вот теперь, оторвавшись от всякого дела, он добровольно отдавал себя во власть сомнениям, а они немолко все настоятельнее и настоятельнее сводили его мысли к Ларисе. Он очень ясно представлял ее темные глаза со спрятанной где-то глубокой или очень маленькой тайной, ее губы, которые так часто и так долго были так держанно и неуверенно сказало как часто и подолгу думал о ней, она как-то смущенно, совсем не к месту отвела:

— Свиссоло... И больше ничего.

Она готовилась к государственным экзаменам, свободного времени оставалось мало, и все же нередко они стали виднелась. Бывали в театрах, о кино, событиях, людях.

Но чаще она, волнуясь и с глубокой грустью, рассказывала ему о Геннадии Парускове. Виктор Андреевич сам очень тепло и живо вспоминал его и поэтому не мешал ей.

Оказалось, что Геннадий было всего двадцать четыре года, что у него в Москве есть мать и старший брат. Лариса бывала у них, да и сейчас иногда приезжает. И все эти письма, что он получал, были не только из того кустанайского совхоза, откуда его привезли, но и из многих других мест, в основном от его старых друзей. Он с очень многими поддерживал связь.

— И вы знаете... — говорила Лариса, — почти в каждом письме к нему образуются за советом. Наверное, привелись к этому еще и письма. И он благодарил отечески, не боялся, что может показаться плохо и его будет потом винить... Если бы слова сделали операцию... Но там этого сделать не могли, а когда привезли в Москву, было уже поздно. Проходили месяцы. И наконец последний экзамен остался позади. В вечер после вручения дипломов Виктор Андреевич с Ларисой снова долго бродили по Москве. Он спросил, решила ли она окончательно, где будет работать. Она долго шла, молча глядя себе под ноги, и потом заговорила: — Меня направляли в ту больницу, где я проходила практику, но я не могу. Я все вспоминаю Геннадия. И я думаю... Все-таки он был какой-то иной, совсем иной, не такой, как все мы... Он знал что-то, чего другие не знают. Я поеду туда, где он был. Я хочу знать, как и чем он жил... И почему-то виновато добавила: — Не сердитесь на меня, Виктор Андреевич.

Она была молча, вспоминала Парускова того летчика на скамейке и не мог ничего возразить ей.

Это был их последний встреча. Когда через неделю он позвонил ей, ему ответили, что Лариса в Москве нет.

Вернувшись домой, Виктор Андреевич решительно пошел на почту. Сидя перед тем, как ложиться в больницу, аккуратно переписав все письма, он переписал все бумаги за это время. Ушло много серой шлямо, а между двумя картонными закладками толстой книги маленький хлопотливый паучок успел даже натянуть несколько ее заметных серебристых нитей. Виктор Андреевич немолко сбив научил, и от УАИР на одной из нитей подыкалось леткое облачко. С минуту он самка, как паучок, суетился и торопливо прятался в корешок другой книги, облачко медленно рассеялось, и мертвое спокойствие, нарушенное его шевелком, снова восстановилось.

«Что знает, каквиа еще саковы пия покрестся эта диссертация? Кто знает, почему так будет называться? — с усмешкой подумал Виктор Андреевич и спуил книгу на место.

Больше он не лезла на почту, а кое-как, стараясь меньше бывать дома, дотынула до конца сессии и подла заявление об увольнении по собственному желанию».

На удивительные вопросы сосужающего Виктору Андреевич отмалчивалась и старался быстрее прекратить разговор.

А когда более близкий его товарищ, знавший историю с Ларисой, спросил о ней, упрямо отвел:

— Завещал, я много думал и понял, с кем-нибудь, кто никогда не знала УАИР, и все же будет просто и не будет даже сыстемно. А мне с ней его слишком хорошо знала. Он всегда будет стоять между нами. А зачем я увольняюсь? Трудно сказать. Просто, понимаю... — Он змнулся, подыкаясь слова, и закончил: — Пыли как-то много у нас в кабинете...

РЕПОРТАЖ

7 ДНЕЙ С НАМИ КОСМОНАВТОВ

Самолет, доставивший нас в район космодрома, коснулся земли, когда над ней уже опустилась южная, чуть прохладная ночь. Яркие мерцали звезды, огромный круг луны поднялся над горизонтом. Свет ее прорезал густую тьму, серебрил деревья, кустарники, крыши домов. Стояла тишина, иногда нарушаемая шумом редких машин. Вскоре пришла голубая «Волга», и мы поехали в город.

Знакомые места. Здесь я был 5—6 августа прошлого года, присутствовал при знаменательном событии — старте корабля «Восток-2» с Германом Степановичем Титовым на борту. Это были незабываемые дни, полные впечатлений, которые сохранились на всю жизнь. Тогда среди многочисленных встреч на космодроме была одна, о которой стоит рассказать несколько подробнее.

...До старта корабля «Восток-2» оставалось менее полусуток. Знакомый инженер устроил мне встречу с Германом Степановичем. Когда мы поднимались по ступенчатым крыльцам в небольшой домик, где жил космонавт, на встречу нам вышел молодой летчик. Был он выше среднего роста, коренаст. Фуражка крепко сидела на его крупной голове. Из-под козырька на нас глядели присталь-

ные карие глаза. Черные густые брови, сросшиеся над переносицей, придавали лицу несколько суровый вид. Он отошел в сторону, уступая дорогу.

Когда мы вошли в небольшой коридорчик, мой спутник заметил: — Обратите внимание на этого летчика.

— Космонавт?!
— Да. И при этом «номер три». Это была первая милолетняя встреча с Андрианом Николаевичем. Несколько позднее мы познакомимся с ним ближе. Но об этом потом.

Машина промчалась вдоль широкой зеленой улицы, застроенной индустриальными домами, выскочила на просторную площадь, пересекла Таврическую улицу, навзничную так потому, что она берет свое начало от здания местного театра, несколько минут шла по улице Космонавтов и остановилась возле небольшого двухэтажного дома.

— Это гостиница — сказал наш спутник, инженер Петр Ермолаевич, которому было поручено встречать журналиста.

— А может быть, лучше прямо на космодром?

— Не торопитесь: впереди целые сутки. И кроме того, и здесь для нас немало сюрпризов.

На улице стало совсем темно. Подул прохладный ветер. Устроившись в гостинице, мы решили

выйти на улицу, а свернув, подышать перед ним свежим воздухом. Тут-то нас и ожидал первый приятный сюрприз.

На удобной скамеечке, освещенной сверху электрическим фонарем, в легкой летней форме, без фуражки сидел Юрий Алексеевич Гагарин.

— А-а, пресса явилась. Может быть, и вам в космос хочется? — пошутил он, подавая руку.

— А что? При случае готовы и полететь!
— Подождите, наступит и такое время...

Заявляла беседа. Юрий Алексеевич сообщил нам, что он час назад вернулся с космодрома. Там полным ходом идут работы по подготовке к полету корабля «Восток-3».

— Проверили ли в сто первый раз... закончили он.
— А вы не можете рассказать нам о программе предстоящего полета?

— Нет. Время уже позднее, пора всем отдохнуть. Где вы расположились?

— Вот в этой комнате с двумя окнами.
— Моя старая знакомая. В ней я ночевал несколько дней перед стартом. Ну что же, спокойной ночи.

Утро нас застало врасплох: солнце как-то внезапно отворолось от горизонта, поднялось над неболь-

шими деревьями и заглянуло в окна нашей комнаты. Здесь нас ждал еще один сюрприз. Оказывается, этжомк выше живет вся команда космонавтов.

Среди молодых летчиков — и Андриян Николаев. За это год он, кажется, стал еще крепче, раздался в плечах. И не удивительно: комплекс физических упражнений, входящих в ежедневную программу подготовки летчиков к полетам в космосе, рассчитан на укрепление организма, повышение его стойкости к тем малоизученным факторам, с которыми можно встретиться там, высоко от земли.

Ане сразу вспомнилось наше знакомство. Стоялось оно вот при таких обстоятельствах.

11 августа 1961 года, после того, как «Восток-2» вышел на орбиту, члены Государственной комиссии отравились на самолете в район намеченного приземления Германа Титова. Полетел вместе с ними и я. В небольшом салоне воздушного лайнера мы и познакомимся с Николаевичем. Предполагалось, что он будет следующим, кто поведет в звездные дали ракетный корабль. Я выстраивал у него все, что могло впоследствии пригодиться.

Мне уже было известно, что он родился в чувашском селении Шоршеля.

— Скажите, Андриян Григорьевич, — спросил я, — как перевести на русский язык «Шоршель»?
— Слово «шоршель» означает «чистые ключи», — отвечал он чуть нараспев. Голос у него грубой, мялкой.

— Да, действительно, чудесное название, кажется, и не придума-

ть.
— Удивительно красивые у нас места — задумчиво продолжал Андриян. — Побывайте — понравится.

Мы слушали его неторопливый рассказ о родном крае. Андриян оказался замечательным рассказчиком. С большой теплотой и любовью говорил он о своей матери Ане Алексеевне, человеке большого обаяния, нелегкой судьбы. С малых лет привила она детям любовь к труду.

— Мать у нас в этом отношении строга. Каждый из нас всегда знал свои обязанности. Дисциплина в семье всегда была отличная, — смеется космонавт. — В жизни это нам очень пригодилось.

Три «небесных братья» — А. Николаев, Ю. Гагарин и П. Попович. Не хватает четвертого — Г. Титова. В момент, когда готовился этот номер, он был в Югославии.

Фото В. САВЯТЫНОВА (ТАСС).

— Какой же колоссальный чин у вашей матери?

Космонавт улыбнулся.

— У нее здание подполковника: мастер на все руки. В аэродроме она оказалась как дворка, и как стюдица, и как конюха. А молодая была,aleb жала— не утончилась. Теперь ей за шесть десятков. В нашем доме всегда десертно согласен, дружба...

Он вспоминает, что ему было 15 лет, когда умер отец. Семья не растерялась. Поддерживала единство, они жили теснее сплоченнее, чтобы преодолеть несчастье. Жить стало, конечно, тяжелее. Но смерть отца на разрушила семейный план. Всегда за старшим братом пошел учиться в лесотехникум и Андриян.

— Что же вас привело из тихих лесов в авиацию, в бурные космические просторы?

— Сейчас даме трудно сказать,— отвечает космонавт.— Правда, в восьмилетнем возрасте я впервые увидел в аэродроме самолет, в школе увлекался техникой, материл модели, гусак их с откося, но серьезно от этой профессии не думал. А мне кажется, серьезно делало меня летчиком,— продолжал он.— В 1950 году пришло время служить в армии. На призывном пункте армия крутила меня около часа. Потом я услышал короткое: «В авиацию». И вот в армии я влюбился в свою профессию сразу и на всю жизнь...

Такой разговор произошел у нас год назад. И вот новая встреча.

Мой коллега, специальный корреспондент «Правды» Н. Денисов, недавно вернувшийся из Шершора, рассказывает космонавту о встрече с матерью, братом Иваном, сестрой Зиной, передает от них привет.

— Как здоровье мамы? — интересуется Андриян.— В последнее время она немного прихваривала.

— Чувствует она себя хорошо, просит не беспокоиться.

Андриян улыбнулся — хорошая весть из родных мест всегда приятна, всегда поднимает настроение.

В эту минуту к нам подошел высокий, плечистый летчик.

— Знакомьтесь, это мой товарищ,— сказал нам Андриян.

— Попович,— подавая руку и улыбаясь, проговорил тот. И, обратившись к Андрияну, добавил: — Нас ждут. Все в сборе. Пора ехать на космодром.

Попровачившись с нами, летчик ушел. Встретившись с нами у крытой лестнице один за другим за нами побегали и остальные летчики-космонавты.

Предстоит запустить корабль.

Небольшая комната—рабочий кабинет Петра Ермолаевича. Мы рассаживаемся вокруг круглого стола, в центре которого стоит стартовый столбик. Умение о сложном техническом вопросе рассказать просто и доступно — замечательная черта нашего собеседника. Предстоит запустить корабль: «Восток-3» и «Восток-4» — заключает он.— Космонавты вы, наверное, уже знаете. Но как вы, конечно, интересуетесь тем, как стартовый столбик работает. День завтрашний, час будет окончательно назван на заседании Государственной комиссии, которое состоится сегодня. Если жеветва быть так, ну, милости просим. Узнаете много

интересного. А сейчас приглашаю на стартовую площадку.

Город утром кажется особенно красивым. Его широкие асфальтированные улицы, вымощенные камнями, всюду чисты. Светятся большими окнами троллей, чехурятские дома, школы, магазины, детские сады и ясли.

Внезапно, словно стрела, уходит к горизонту, расскрепя песчаную равнину на две половины. Откуда-то со стороны показался самолет. Он таяво пролетел мимо нас груженным состав и скрылся. Вдали показался караван верблюдов — этих степных кораблей. Промелькнули белые высокие холмы, раскраснелись песчаные дюны. Дорога вылинула за холм и снова пошла по прямой. Вдали показалось сооружение.

Мои спутники, впервые оказавшиеся в этих краях, с напряжением стали всматриваться в приближающиеся с каждой минутой ферростерикоматовые теле ракеты. Показались и стартовая площадка, металлический фермажи, она кажется огромной стройкой, нацеленной в небо.

Машина авторизация. Мы подошли к стартовой площадке. Предъявляем пропуски и идем по бетонной дорожке. Перед нами —участок современной техники, космонавты многоэтажные, ракетаносители, на вершине которой —«Восток-3».

— Не успели мы обойти вокруг подножия ракеты, как по радио раздалась команда, и паря в темных облаках стартовая ракетная команда — со всех сторон стали сбегаться к центру площадки, что раскинулась у самой ракеты. Мы тоже двинулись к ракетам, чтобы расплыть парней. В центре его входит Андриян Николаев, главный конструктор, Теоретик космонавтики и другие члены Государственного комитета.

Это уже стало традицией стартовиков — докладывать пилоту-космонавту о готовности к полету корабля, на котором ему предстоит совершить рейс в межзвездные дали. Вот и сейчас к центру выходят один за другим молодые люди, докладывая Андрияну Николаеву. Смысл сказанного можно выразить тремя фразами: «Мы сделали все, чтобы корабль подготовили к полету на котлинок. Можете вы не беспокоиться. Железа тебе сказанного пути».

Андриян Николаев уже вынулется. Его расстроили простые и сердечные слова этих людей, которые, как и он, участвуют в выполнении первого космического задания. Немегословов отвечает:

— Я горжусь, что мне доверил корабль «Восток-3». Не подведу вас, весь наш народ. Задание будет выполнено. Спасибо за хорошую работу и добрые пожелания.

— Не успели еще стихнуть аплодисменты стартовой команды в честь космонавта, как из кабинета конструктор берет своего питомца за локоть и уводит к себе. Предстоит один из важных предстартовых бесед ученого с тем, кто полетит на его корабле.

С Главным конструктором я познакомился еще в прошлом году. О нем, когда наступит время, буду рассказывать отдельно. Это любознательный человек, для которых он не только ученый, но только технический организатор полетов, но и учитель, наставник, старший товарищ. Он не только учил, но и воспитывал. Его авторитет непререкаем,

его слово — закон. Его карие глаза, кажется, выдают с земли, что делается и в кабинете и в душе космонавта. Он интеллигент, всегда спокойный, вежливый. И эти качества передаются его сотрудникам — ученым, конструкторам с мировыми именами, его помощникам-инженерам.

Прошло несколько полетов, прежде чем мы смогли побеседовать с Главным конструктором.

— Расскажите об основных направлениях изучения дальних полетов кораблем «Восток-3».

— Они обширны и многообразны. Основная задача — продолжить изучение влияния невесомости на организм человека, и какой мерой это явление воздействует на работоспособность космонавта в условиях полета. Эти данные чрезвычайно нужны для науки. Их перспективное значение очень велико. Каждый новый полет — это прежде всего новый полет космонавта, новая человеческая индивидуальность. Восточники, что каждый полет обогащает нас конструкторов, представителей науки, экспериментальным фактическим материалом, столь необходимым для дальнейшего совершенствования космического корабля.

И, наконец, последняя задача — еще и еще раз изучить работу всех систем корабля в полете. По-прежнему будем использовать при конструировании космических кораблей.

— В каком направлении, в частности, шло совершенствование корабля? — интересуется мой спутник.

— Наши конструкторы много сделали для обеспечения надежности полета корабля в околоземном пространстве.

— Можно ли рассматривать полет корабля «Восток-3» как шаг к штурму Луны?

— Да, в известной степени можно, как и все, что мы делаем. Наш путь к изучению космоса — это как познанию дальнего космоса. Луна, несомненно, в будущем станет объектом научных исследований наших космонавтов.

— Это все вопросы? — чуть прищурившись, спросил ученый.— Не так уж много. Не сомневайтесь, что у вас возникнут новые.

Нам хочется знать мнения Главного конструктора об Андрияне Николаеве.

— Главная его черта, высказанная им самим, — это спокойствие, сдержанность и умение разложить все.

...На стартовой площадке — рабочая атмосфера. Слышится шум двигателей, шум ветра по радио. Много нас проходит люди, лица их сосредоточены. Каждый из них знает свое задание, выполняет его точно и в срок, как того требует предстартовый график. А нам не терпится побывать в домике космонавтов, где жили перед полетом Юрий Гагарин и Герман Титов. Туда сейчас переехал и Андриян Николаев.

— Мельзай нам на минуту заехать в домик космонавтов?

Председатель Государственной комиссии смотрит на Главного конструктора, словно советуется с ним.

— Через час Андриян будет садиться в кабину на Главного конструктора.— Петр Ермолаевич,— оклинул он знакомого нам инженера.— Проводите, пожалуйста, гостей примерно через час к Андрияну.

Время приближается к 20 часам.

Солнце умирало свой пыл, жара спала. Около 20.30 мы оказались в домике космонавтов. Он окружен могучими пирамидальными тополями, кленами. Комната с окном во всю стену. Две кровати, над ними портреты: Ю. Гагарин и Г. Титов — первые жители этого дома. Позднее в нем побывали космонавты портрета А. А. Николаева и П. Поповича. Круглый стол, на нем цветы, шахматы. Оказываются, почти все космонавты — заядлые шахматисты. У них есть свои любимые книги. На тумбочке несколько книг — стихи Пушкина и Лермонтова. Как мы узнали позднее, это подарок товарищей, чтобы в космосе скучно не было. Хозяйка комнаты нет, и нас принимают их врач.

— Где отдыхает космонавт?

— Вот на этой кровати, гагаринской.

В дом с шумом входят друзья — космонавты Андриян Николаев и его дублер.

— Вот на этой кровати, штурмова говорит Николаев,— проходите вот в эту комнату.

Так составляет первая продолжительная беседа журналистов с третьим «небесным братом».

Начало, интересно, проходит, как проходит последние дни перед стартом корабля. Космонавт рассказал, что предполетные дни были полны самой напряженной работы.

— Все знания, полученные во время учебы, в дни так называемых условных полетов в учебном центре, сейчас как бы заново обновляются,— рассказывает нам космонавт.— Но главный элемент перед — мягко, чуть нарасла сказал Андриян.— Я уверен, что он будет выдержан. Хочется сказать сердечное спасибо всем, кто участвует в создании Главного конструктора. Замечательный он учитель — требовательный и в то же время сердечный, забойный.

Сидящий с нами врач напоминает, что врачам остается... Нам остается. Это замечает Андриян. Он успокаивает нас:

— Я знаю, но и вы тоже работаете. Спрашивайте все, что вас интересует.

Заговорили о космосе, предостерегли полета. Андриян, скупой на слова, говорит предельно кратко и просто.

— Освоение космического пространства — огромное, и сложное дело. Жалко, что сейчас продолжения по совместному изучению Вселенной не встретили должной поддержки у США. Помните, как хорошо говорил в своем выступлении космонавт Никита Сергеевич Хрущев? «Хоталось бы,— сказал он,— надеяться, что гений человека, проникающего в глубины Вселенной, сможет найти путь к прочному миру и обеспечить процветание всех народов на нашей планете Земли». Лучше и не скажешь,— добавляет Андриян Николаев.

Попелла успеха Андрияну Николаеву в предполетном ему трудном деле, мы попросились с ним и его другом.

— Возвращаясь в город. Поздней нам авиационная вылетает ракета. Лунный свет серовет корпус, скользит по фермам, падает на домик космонавтов. Свет в нем уже погашен...

[Продолжение следует.]

МАТЕРИНСКИЙ ХЛЕБ

Инна КАШЧЕВА

Было детство у нас несладким.
Мало сладостей знали мы.
Наши мамы — простые солдатки
С вьюсами белой зимы.

В просябах к нам
были мы осторожны.
Каждый к сладкому глух и слеп...
Все кондитерства и пирожные
Замыкая нам военный хлеб.

И смотрел спекулянтским рылом
На несладко жили пять лет
Черный рынок, о черном рынке,
Затмевавший весь белый свет!

Месяц был нам счастья подковой.
Мы все сразу ее впустили...
Брала матерн хлеб пайковый
В горшок солода, как в пыль.

Я сейчас вспоминаю чаще
Недалекого детства дни.
На какие неравные части
Этот хлеб делали они!

И, подне свои тонкие лички,
Мы захлебывались немотой,
Дородетельным их величием,
Великаясь их добротой.

...Мы от них, как от детства,
отдались.
Им не спрятать свою седую...

Мы порою с ними не делимся
Даже меньшим, чем хлеб в войну.

Никого вамять еще попоминать,
Вороний дружд и судоб...
Но попоминать! Он нам вспоминется,
Материнский пайковый
хлеб.

ГОРОЖАНКИ

Горожанки — ушки жарки,
И большие дома в глазах.
Отражаются горожанки
Не в озерах —
в медных тазах.

Отражаются — наравняли
Вечерам, как май, легки.
То смеются, то обижаются
Их высокие каблуки.

Легкомыслию их не верите!
Стряжте, подястой к обаякам...
О, не мерьте их путь, не мерьте
По изогнутым каблукам!

Вызываясь цути без зова,
Через боли и сквозь фронты
Шли они в сапогах кирзовых
На России мешать бинты.

Были ночи под Курском жарки,
И, увидев небо клочком,

Горожанки мой, горожанки,
Сколько падало вас ничком!

Только золото касок ржавых,
Потускневшее от дожда,
В насыдасто нам, горожанкам,
Оставляли вы, уходя.

Оставляли, благославляли
На дожде в тода,
Возводили и любить завещали
Наши светлые города.

По утрям тротуры жаркие
Идут себе каблукам...
Идут мой горожанки,
Глядя в лицо векам!

СЕВЕР

О Север, тумурый, заболоченный,
С озерным взглядом голубым!
Ты стал не крестным и не
отчимом,
Ты стал ровесником моим.

Суровый ты, в снегах и наедах
Сошел с вершин веков ко мне,
Ты ласковый не только
Но и со мной наедаеи.

Чтoб показать передо мною
Тышайсь в снегах ослеп,
Ты жещь рукою ледяною
Мою горячую ладошь.

Электроника и ТОРГОВАЯ

И нуда только не вторглись
электроника автоматами в
металлургию и в медицину, в
лавиацию и в спорт! Теперь они
звизи новым рублем, шагнули в
торговлю. В Мoскве, на улице
Чехова, открылся электронный
магазин «Прогресс».

Вы заходите в просторный
зал. Справа — разменные кассы,
в которых нет... кассирши.
Опустите любую монету — через
мгновение касса разменит ее
на несколько мелочек. Теперь
подойдите к электронным
продавцам. Шесть из них продают
бутылки с минеральными продук-
тами, семь — фасованные то-
вары.

На светящемся табло — цена
товара. Как только сувица опу-
щенных вами монет совпадет с
ценой, получите масло, смета-
ну в пачке или бутылку моро-

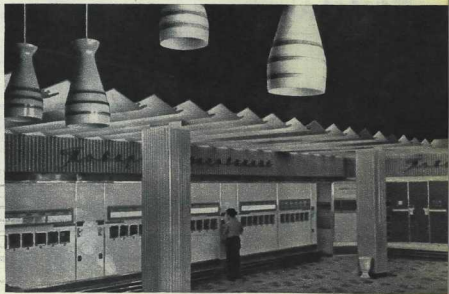
на — любой из шестидесяти ви-
дов товаров, которыми торгует
магазин. Не бойтесь переплатить.
Лишнюю монету автоматический продавец немед-
ленно возвратит.

У магазина есть электронный
мозг. Он считает деньги, прини-
мает автоматами, ведет учет
продуктов, «заряженные» в
кассеты, дает команды о попола-
вении запасов сливок или ке-
фира. Работы у него много.
Ведь за день в магазине дел-
ается больше семи тысячи по-
купок. А на каждую расклады-
ется в среднем три монеты раз-
ных достоинств. Значит, девя-
дцать две тысячи монет должен
«переработать» в день «мозг»
магазина.

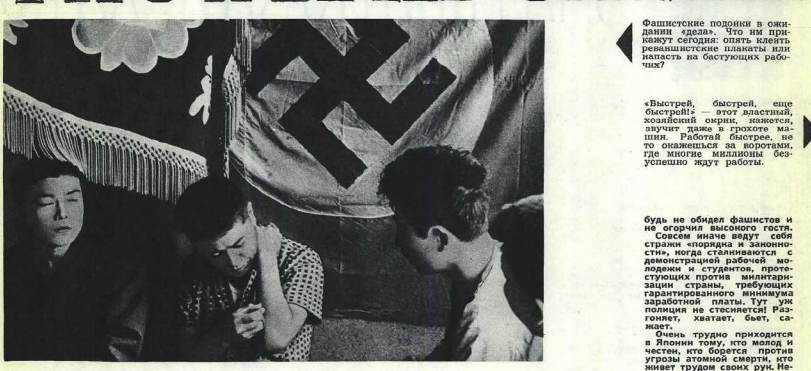
В ближайшее время в Москве
откроется еще один электрон-
ный магазин. Будет создано и
электронное кафе.

Сложная аппаратура этих
торговых предприятий требует
наблюдения квалифицирован-
ных специалистов. Надо еще
сейчас подумать о новой для
торговой профессии — работни-
ках электронных магазинов. Их
с успехом могут готовить спе-
циально созданные отделения
в школах торгового учениче-
ства.

Коротко о Интересном

ИТОГИ ДНЯ

Обычно они делают это в сумерки, когда стихает многоголосный трудовой Токио и его улицы, озаренные светом реклам, заполняют подвальные американские солдаты, завылали «ночных клубов», богаты бездельниками. И как и все преступники, они предпочитают темноту, хотя закон, облаченный в полицейские мундиры, им ничем не угрожает.

Держась стаей, таскают они по городу ведро с мочими млейстером. Останова, мазок, другой — и вот еще одна стена залпана плакатами фашистской свастикой. Черные меркантилы, сбегая вниз по бумажке, топчут «Миниодой Гитлери Нации Возрождения! Силал Реваши!»

Вечерняя толпа равнодушных пльвет мимо; этих никак не астрексовиш, неуди-

виши. По ним — кто с чайником в зубах бегает — только бы на них инкитином не посылал! Но заегают желанием на слухах машиниста, возмражающегося после трудового дня, замедлит шаг рабочий, спешащий в ночную смену. Однако в одиночку с фашисткой шпалой лучше не связываться: пойдут в ход кастеты, бамбуковые трости со сандох, ножи. Полиция вмешаться не будет.

Для более важного случая у бандитов припасено даже автоматическое оружие, сплеточные бомбы. Все эти их снайботы богатые покровители, чемы «трестосеймейств», кто негласно правит японией Японией. Пошлимыленные тузы, финансовые шартылы не скрутились. И вот, как сарача, роняя в Стране восходящего солнца нефоашистские банды

«Антикоммунистический добровольный корпус», «Ассоциация защиты отчества», «Историческая партия великой Японии», «Молодежный корпус восходящего солнца».

«Что платит музыканту, тот и зарабатывает музыку», — говорит в народе. В 84-миллионной Японии фашизм, разумеется, не так уж много, но, пользуясь поддвержой «всильных мира сего», эти «музыканты» становятся всею: фьют в барабаны новых военных поступков, «встряют» заумножую по неугродам. Там погиб Индзиро Асакура: сиротой Социалистической партии Японии убила семнадцатилетний фашистик из «Молодежного корпуса действия».

А совсем недавно, когда протопилась по стране волна страсти (одновременно бастовало более 5 миллионов рабо-

бочек), капиталисты натравили на пикеты забастовочных своих цепных собак фашистов. Для них это было дело привычное: набили руку на погромы именем компартии.

Одна довольно крупная газета поробовала было разоблачить связи фашистов с высшими офицерами полиции и правительственными чиновниками. В ответ был устроен налет на газету: в типографиях учинили погром, в розничные машины напильники песту.

До глубины души был разстроган западногерманский инженер Аденауэр, когда, прибыв с официальным визитом в Токио, ушел он толпу молчаливых с транспарантами: «Привет нашим старым соратникам!» и флаги с милдой его сердцу свастикой. Полиция била наценку, зорко следила, чтобы кто-ни-

Фашистские подлоги в окрестности «дела». Что именно являют сегодня: опять клевать ревашистские плакаты или напильники на бастующих рабочих?

«Быстрей, быстрей, еще быстрей!» — вот алкающий, хохлающийся окрик, являющийся даже в строгих машинах. Рабочий быстрей, не то оканчиваются в воротничке, где многие миллионы безусловно ждут рабочая.

Будь не обидел фашистов и не горюли высшего гости. Совсем иначе ведут себя страны «спирды и законности», когда сталкиваются с демонстрацией рабочей молодежи и студентами, протестующими против милитаризации страны, требующими гарантированного минимума заработной платы. Тут уж покончили не стесняясь: багнет, хватает, бьет, са-

Очень трудно приходится в Японии тому, кто минает и честен, кто борется против угрозы атомной смерти, кто минает трудом своих рук. Не легко жить в американской догматической стране Япония за последние годы, нелегко зарабатывать на хлеб, нелегко жить в японских условиях. Вот факты: рабочим до 20—24 лет платят примерно половину зарплаты взрослых. Девушки соглашаются за равной труд еще меньше, чем их сверстники — мужчины. Кроме того, многие предприниматели заставляют молодых рабочих подписывать контракты, в которых они должны удовлетворять всевозможные условия. Чтобы расплатить молодежь, прибрать и руины, буржуазия использует свои патентованные средства. Нам показала американская практика, премерно отступать размышлять фильмы Голливуда и стропиланные по его речетам телепередачи. Неплохо действует героин. Этот маркетинг, такие импортную

ПОЙМАНЫ С ПОЛИЧНЫМ

Дом построен совсем недавно. Но в бривках уже живут разные дереве программы муравья. Некоторые нады оти насомных — под-

линное бедствие для деревенской домостроения. И от последнего времени не удавалось найти эффективные способы борьбы с ними. Недавие ученые решили спитивать под землей гнезда муравьяев разнискать с помощью радиоактивных излучений. Для этого надо собрать личинки муш, которые питаются муравьями. Для этого надо их в раствор, содержащий радиоактивный йод, и затем разбросать по лесу. Йод муравьяев затаскивают личинки в свои гнезда и соддают на них большие запасы пищи.

Теперь пора на прогулку по лесу. Сильно позымать с собой счетчик радионизлучения: способ свой домик они обнаружат склади пилюнок, а значит, и муравьиные гнезда.

Библиотека... без библиотекарей

«Библиотека будущего» — так называют студенты гидротехнического факультета Одесского института инженеров морского флота создающую ими библиотеку.

Внешне она ничем не отличается от других: на окнах красные занавески, книги, пол покрыт ковровым, вдоль стен стоят шкафы с книгами, на шкафах названия отделов.

Но в одном она не похожа на другие: здесь нет библиотекарей. Нужна, сказано студенту книга — он сам находит ее на полке, записывает в свой формуляр, указывая даже срок возврата... Если сказать, среди читателей почти нет таких, которые бы вовремя не сдавали книгу.

Большое года назад студенты гидротехнического факультета перешли в новое здание.

Там-то и появилась у них мысль обогатиться личными книгами. А потом, по предложению студента Вадима Зеденко, решили собрать свою библиотеку вместе и основать библиотеку.

В первый же день собрали 20 книг, спустя три дня — погортели 80. В дальнейшем, в библиотечный фонд внесли свои книги декан факультета Николай, преподаватели Чебыкин и Васильевский.

Уже сейчас на факультете установился традиция: каждый поступающий на учебю и оканчивающий вуз дарит библиотеке книги. В дальнейшем ребята сдавать не только факультетскую, но и общеститутетскую библиотеку на общественных началах.

М. БИНОВ,
П. П. КАРАСЬ

ВАС ОБОИЩЕГО СОИЩА

Рабочая молодежь и студенты решительно выступают против антидемократической проамериканской политики правительства Исады. Они требуют покончить с тесными контактами и реакцией фашизма в стране.

емый из США, становится подлинным бедствием японских городов. Американская пропаганда выдает Японию за образцы «западной цивилизации в Азии», за оплот «стабильности в Дальнем Востоке». В переводе на простой язык это означает, что японские острова стали доходным рынком сбыта дешевых американских товаров и переработки военной базы США, нацеленной на СССР и КНР. Такое положение вполне устраивает правительство Исады, но оно не устраивает простых людей Японии. Страна бурлит, она уже давно не умещается в рамках этого бесмысленного неазиатизма, который торговцы дешевой азиатской продукцией как типично японский швацман выжили на фоне Фудзими, а у подножия горы — покорные крестьяне.

Современная Япония — это страна активного рабочего движения; страна, где крестьяне готовы грубо отстаивать американский бульдозер, превращающий их рисовые поля в новый аэродром. И тогда эти две силы сойдутся, в Японии задрожит земля. Это будет невиданное землетрясение! «Молодость и конкордия» — понятия несовместимы». Эти слова принадлежат девушке, которая жила далеко от Илоили, почти на другом конце света — во Франции. Ее звали Даниэль Исазак. Она погибла в концлагере Освенцим, но не помирившись фашизму. И то, что сказала национальная героиня французского народа, лучше всего определяет сегодня настроение молодой прогрессивной Японии. Она говорит: «Фашизм не пройдет!»

КОРТКО И ИНТЕРЕСНО

УДАСТЯ ЛИ ЭКСПЕРИМЕНТ?

Цветы и надой

Оназывается, голубой цвет неважен — нужен. Попадывает: на голубую поверхность мухи садятся очень-очень редко. Умные, занятые проблемами животноводства, давно заметили, что чем меньше мухи беспокоят коров, тем больше надоев дают молоко. Значит, если окрасить норвандин в голубой цвет... Провели эксперимент — надой увеличился на 5—7 процентов.

Когда двенадцатилетний Эверетт Наузас очутился от жарко, — первое, что он спросил: «Могу ли я снова играть в бейсбол?» Хирурги Центрального госпиталя Востона (США), когда удалось прирастить парализованную отрубленную руку, надеются, что он сможет вернуться к любимой игре.

Несчасте случилось в мае, когда Эверетт, живущий в пригороде Востона, сповзнулся из школы. Он шел слишком близко к железнодорожному пути и живописно нырнул в товарный поезд, задев его. Превозмогая боль, Эверетт поднялся и, придерживая левой ру-

кой правую, повисшую на одном сучковатом, добрал до какого-то склада, находившегося метрах в двадцати. — Помогите мне — проштаны мальчик и без сил опустился на землю. Как только его доставили в госпиталь, отрубленную руку поместили на лед.

Нам заявила известная хирург Гарвардского университета Роберт Шоу была всего одна миллионная вероятность, что руку удастся прирастить, тем не менее хирурги решились. Вначале были сняты кровеносные сосуды, и через пять часов после того, как пострадавшего положили на операционный стол, в его

правой руке появился пульс. Кровообращение было восстановлено. Затем скрепили штифтом кость (отрыва произошел в пяти сантиметрах от плечевого сустава).

Нейрохирурги ожидают окончательного завершения разрыва, прежде чем они предпримут попытку срастить нервы. Это будет самая ответственная стадия эксперимента. После нейрохирургического вмешательства Эверетт должен будет еще долго лечиться физиотерапевтическими процедурами, и лишь года через два, как полагают умные, выяснится, сможет ли он свободно владеть рукой.

мать об этой проблеме нелегко. Она волнует всех, каждого человека. И поэтому я постараюсь представить то, что думаю об этой проблеме в будущем, когда эта проблема больше не будет существовать. Я представляю себе эти дни. Может быть, они не будут похожи на триумфальную встречу первых космонавтов, возмущившихся за Беллмо. Но это будет, несомненно, великая праздничная вечерняя встреча.

И переключу два выключателя радиоприемника и слышу, как во всех странах торжествуют люди, отмечая грандиозную победу науки над болезнью № 1 — раком...

Еще поворочу рычаги, и в комнату врывается шум огромного собрания молодежи, на котором выступают известные советские ученые, академики.

— Да, именно тут, в Кремлевском Дворце съездов, — говорит один, — состоялся летом 1962 года VIII Международный противораковый конгресс. Его значение далеко вышло за пределы возможностей докладов, прочтённых в двадцать сессий. Конгресс впервые, твердо опираясь на достоверные научные данные, заявил, что XX век будет веком победы над раком. Конечно, в те дни никто не мог назвать точной даты, и было бы навязно требовать этого даже от самых выдающихся ученых. Но теперь мы видим, что они были правы.

Что же дало тогда уверенность ученым предсказывать близкую победу? Или, быть может, это было заявление, рассчитанное на успокоение тех, кто считал, что медицина в этой области движется слишком медленно? Таким вопросам академики, конечно, не отвечают.

Почему и откуда возникает злокачественные опухоли? Являются ли они тяжким ударом человечества или распространены в природе вообще? Эти проблемы интересны людям давно. Но в наше время к ним прибавилось и другое.

КТО ВИНОВАТ?

Мы с тревогой присматривались к росту злокачественных опухолей и несомненно задавали себе вопрос: а не кроется ли загадка роста этих опухолей в той цивилизации, которой мы достигли? Люди растительного происхождения, которые жили в природе вообще? Эти проблемы интересны людям давно. Но в наше время к ним прибавилось и другое.

Число злокачественных раком значительно возросло именно в высоко развитых странах. В США на каждые сто тысяч населения умирало в год 163 мужчины и 140 женщин, в СССР — соответственно 128 и 122, а в экономически отсталых странах Африки — не более 90 человек!

Прежде чем ринуть, так ли это, я должен напомнить, что злокачественные опухоли широко распространены в животном и растительном мире. Мышь, курица, крыса, хомки, даже лягушки болеют различными формами рака. Но ведь они-то имеют весьма малое отношение к благам нашей цивилизации! Среди культурных растений также встречаются злокачественные опухоли, но их больше всего среди диких! Очевидно, загадка происхождения опухолей надо искать в каких-то общих биологических закономерностях.

В прежние времена были разговоры, что в глубочайшей древности — в Египте, Греции, Китае — люди не болели злокачественными опухолями. Точных данных на этот счет нет, но при вскрытиях усматривали древних фараонов обнаруживали опухоли на костях. Особая наука — палеонтология, изучающая заболевания давно живших людей по костям из потребностей и раскопок, — точно установила, что даже за много лет до нашей эры люди болели опухолями. Так что нельзя обвинять цивилизацию нашего времени в распространении рака, хотя некоторые влияние она может оказывать.

Долгое время врачи не представляли себе, с какого конца начинать исследования, в чем искать причину злокачественных опухолей. И даже тогда, когда научные работы завернулись довольно широко, они не давали сколько-нибудь достоверных данных, которыми бы реально можно ответить на вопрос о происхождении рака. Темы техническими приемами, которые господствовали в науке конца прошлого века и первой четверти нашего, никак не решающих открытий сделать не удавалось. Не удивительно, что в этой области знаний царил пессимизм.

— Вы хотите работать на экспериментальную науку? — спросил как-то выдающийся немецкий бактериолог и биохимик Пауль Эрлик молодого человека, пришедшего в лабораторию. — Это — неблагодарное дело. Я отдаю ему пятьдесят лет моей жизни. За это время было

делано много открытий в области загадки тайн жизни, но в области рака мы не продвинулись ни на одну ступень.

П. Эрлик, положивший начало новому направлению в медицине — иммунологии — и открывший предельно для своего времени, был не одинок в своем неведении. Слишком много существовало различных гипотез и мало практических достижений. Одни теории утверждали, что рак вызывается оставшимися в организме эмбриональными клетками, то есть будет бы «неиспользованным строительным материалом», другие говорили, что рак зависит от послойного раздражения клеток и тканевых особыми веществами, третьи считали, что это инфекционная болезнь, и т. д. Но люди, близко соприкасавшиеся с раковыми больными, весьма редко заболели раком. И, наоборот, многие из тех, кто не имел и большого никакого отношения, не соприкасаясь с ними, были от раковых.

ПОЙМАНЫЙ ВИРУС

— Я позволю напомнить дальнейший ход исследований, — продолжает академик, — в 1892 году выдающийся русский ученый Д. И. Ивановский обнаружил особый класс инфекционных агентов, вызывающих болезни. Исследуя мозаичную болезнь табака, он в поисках микробов стал фильтровать сок растений. И хотя в фильтрате не обнаружил ни одного микроба, тем не менее растения заболели. Следовательно, были какие-то агенты. Он назвал их вирусами (от латинского слова «вирус» — ад животного происхождения). В дальнейшем, когда люди создали электронные микроскопы, увеличивающие в сто и более тысяч раз, они увидели эти вирусы.

После открытия вирусов тайна многих заболеваний людей, растений и животных была расшифрована. Оказалось, что оспа людей и птиц, бешенство, полиомиелит, краснуха, свинка, мозаика табака, грипп людей и свиней, януар, инфлюэнца птиц и многие другие болезни вызываются вирусами.

А не виновны ли вирусы в появлении злокачественных опухолей? Такое предположение высказал впервые в 1903 году американец Боррель. К этой гипотезе отнеслись сначала весьма скептически: уж самым назидательным фактом. Ученым Роусом был выделен вирус саркомы кур, затем выделены вирусы опухолей у земноводных лягушек, у кроликов. Сококи, профильтрованным из опухолей, где содержались вирусы, неминуемо заражались птицы и животные. Ученые обнаружили целое поколение мышей, у которых опухоли молочной железы передаются по наследству с молоком матери. Тогда путем скрещивания вывели специальную расу раковых мышей, у которых опухоль молочной железы возникает совершенно независимо от питания, и другую расу, у которой опухоли самостоятельно не возникают.

Эти исследования долго волновали весь научный мир. Стало ясно, что существует какой-то фактор молока, который заражает раком. Было установлено, что даже самые малые частицы этого фактора, полученные путем центрифугирования, обладают большой активностью. Достаточно двух десятков миллилитра, чтобы вызвать у мышей опухоль. В конце концов пришли к выводу, что так называемый фактор молока — это не что иное, как самый мельчайший вирус, который удалось позже рассмотреть в электронном микроскопе и измерить его 135 миллимикрон — вот размер его рост.

Когда вирусная теория происхождения опухолей животных и птиц стала получать все большее подтверждение, возник вопрос: а как же обстоит дело у людей? Из некоторых опухолей человека, и в частности при злокачественном поражении крови, были выделены вирусы, и ими удавалось привить лабораторным животным точно такое же заболевание.

— Я помню, — продолжает академик, — что известный советский ученый Л. А. Зильбер в своем докладе VIII Всемирному конгрессу в Москве говорил, что не существует ни одного фактора, их много разновидностей. Одни вызывают злокачественные поражения кровотоков органов, другие — молочных желез, третья — легких, четвертая — мозга и т. д. В этом нет ничего удивительного, так как хорошо известно, что каждый вид микробов тоже может вызывать определенное заболевание. Выяснилось также, что один вирус «любит» кур, другие — кроликов, третьи предпочитают иметь дело с хомками.

Тогда, естественно, возникло предположение, что рак — инфекционная болезнь. Но это оказалось не так. Во всякой инфекционной болезни микроб все время присутствует в организме, размножается, и от этого зависит развитие болезни. Раковый вирус только пускает

в ход заболевания, а потом исчезает, и клетки, превратившись в злокачественную, уже сама начинает усиленно расти, делится с большой скоростью и постепенно превращается в опухоль. И все клетки, которые возникли от этой одной, пораженной вирусом, как и наследственно приобрели свойства злокачественности.

Опухоль, однако, появляется вовсе в организме? Предполагают, что опухолевидный вирус существует в природе вообще. Он, как и многие другие вирусы, сожительствует в организмах, так же, например, как вирус гриппа или герпеса — акриды, которые при простуде иногда выселяет на губах в виде пузырьков. Но как только человек, организм или его отдельные клетки ослабевают, вирус, являющийся паразитом клеток, начинает свое бурное действие.

Почему же вдруг клетка ослабевает и становится добычей вируса? И тут и должен сообщить вам о другой теории, которая существовала отдельно и как будто противоречила вирусной теории.

ЧТО НАШЛИ У ТРУБОЧИСТОВ

Примерно в конце XVIII века впервые был описан рак трубочистов. Произошло это было довольно широко распространена, и врачи обратили внимание на то, что в местах, где санна постоянно втягивалась, появлялся рак кожи. Через сто сорок лет удалось каменноугольной смолой вызвать рак у мышей. В начале 20-х годов нашего века было высказано предположение, что существует химическое возбудитель рака. Английский ученый Коупленд получил рак легкого у мышей, вводя им дышать воздухом, насыщенным газом из выхлопных труб моторов и уличной пылью. Постепенно было обнаружено более ста семейств химических веществ — возбудителей злокачественных опухолей. И среди них на первом месте были производные дегтя, химически чистые синтетические производные веществ — бензпирена, которые в различных формах встречаются в окружающей нас среде. Кроме того, оказалось, что некоторые анлиновые красители, соединения мышьяка и др. могут вызывать рак.

Нельзя, конечно, назвать химическим целиком обвинять в том, что оно способствует развитию рака. Но невозможно отрицать и того факта, что выхлопные газы автотранспорта, промышленные отходы и некоторые профессиональные и бытовые вредности играют не последнюю роль в развитии отдельных форм рака. Американский профессор Манку докладывая конгрессу, что в одном из районов штата Огайо, где производились автомобильные реактивные шины, смертность у рабочих от злокачественных поражений центральной нервной системы была больше, чем в других местах.

Врачи Индии отмечали, что рак слизистых оболочек рта, щек, губ и языка связан с привычкой жевать листья и орехи притяго на вкус растения бетеля. Советские врачи определенно установили, что привычка пользоваться «насом» — особой смесью табака с золотом, касторкой и маслами, которую некоторые жители Средней Азии вкладывали за щеку, — тоже в конце концов вызвала рак полости рта. Там, где употребляли спирт, сливочного горячий, обжаривают чай, мелкоколотую рыбу и другие сильно раздражающие пищевые и жевочные вещества, чаще всего обнаруживали рак. Было установлено, что у лиц, курящих табак, рак легких развивался чуть ли не в тридцать раз чаще, чем у некурящих.

Таким образом, и вирусная и химическая теории рака имели полное право на существование. Но они будто бы исключали одна другую. Было много отрывочных споров в течение многих лет, которые способствовали постановке новых экспериментов. Но в конце концов установили, что химические соединения ослабляют организм, оказывают отрицательное влияние на те или иные клетки и ткани. И тогда вирус делает свое черное дело: перестраивает обмен в клетке и уходит в сторону. Так постепенно была найдена обшая позиция, которая подтвердилась в многочисленных экспериментах.

ОТВЕТ БИОЛОГОВ

Теперь настало время ответить на вопрос: что же делает вирус с клеткой? В то время как клетка сбивает ее с «истинного пути» и обрекает организм на самоуничтожение. Биологи давно научились выращивать клетки отдельно от организма и как с ними происходит. И когда они стали выращивать раковые клетки, то убедились, что они в отличие от здоровой клетки имеют определенные, меньше потреб-

ляют кислорода, легче приспосабливаются к новым условиям, могут длительное время находиться как бы в «дремлющем» состоянии, то есть превращаются в паразитирующие клетки.

Раз нарушен обмен в адре клетки, рассуждали биохимики, значит, должен быть и особый раковый белок, который можно обнаружить, проанализировав и найти средстве, в котором находится клетка в исходное состояние или, во всяком случае, не дать болезни дальше развиваться.

Надо заметить, что для биологических и биохимических исследований, как и для других наук, решающее значение имеют методика и аппаратура, дающие возможность познакомиться и зарекомендовать тончайшие химические превращения, совершающиеся в адре, от которого зависит вся жизнедеятельность клетки. Вспомните, что величина очень крупных клеток не превышает 70 микрон, а адровые ядра — всего лишь несколько микрон. Но, несмотря на это, удалось доказать, что нормальная клетка лишь тогда превращается в злокачественную, когда у нее под влиянием каких-то факторов, в том числе и вируса, расстраивается особый «контрольный механизм», который регулирует создание нового молекулы белка, в особенности необходимых для развития и деления клетки. При разрушенном «контрольном механизме» один белок создается много, других — мало, а это ведет к более быстрому делению и созреванию всей ткани. Все последующие клетки, которые возникли от первой, приобретают этот тип обмена и передают его последующим поколениям до бесконечности. Так постепенно возникает опухоль. Но и на этом исследовании злокачественных опухолей не были закончены.

ПРИВВКИ ПРОТИВ РАКА?

Тот факт, что возбудителем болезни является вирус, еще не является окончательным, подталкивая к этой проблеме бактериологов и иммунологов, которые хорошо знакомы с неоспоримостью вируса как с различным инфекционным началом или к какому-либо иному родному веществу.

Вообще говоря, неоспоримым является от полученных по наследству и от приобретенных в индивидуальной жизни приспособлений, которые препятствуют проникновению и размножению в организме микробов, вирусов и других болезненных начал и их ядов.

Значит, можно, рассуждая иммунологию, выработать сыновую защиту ракового вируса и лечить его злооблазами? А может быть, лучше привить людям искусственно выращенные и сильно ослабленные культуры раковых клеток, и тогда в организме самостоятельно возникнет противичувствительность к ним? Ведь прививают же живые ослабленные культуры чужих микробов и других тяжелых инфекционных болезней, чтобы вызвать к ним невосприимчивость. Почему это правило должно быть исключением для раковой клетки и для тех отрывочных веществ, которые выделяют опухоли?

Вопрос этот был поставлен вполне разумно, но результаты исследований, о которых рассказывалось на конгрессе, были весьма обнадеживающими и многообещающими.

И не было бы объективнее, если не скавал бы, что наряду с теоретическими исследованиями во всем мире велась работа различных методов борьбы против рака и других видов злокачественных опухолей. В сороковых годах нашего XX века вошла в медицину новое понятие — антибиотик. Это вещества микробного, растительного или животного происхождения, которые подавляют жизнь других микробов — их противников. Первым антибиотиком был пенициллин, а за ним открыты в природе и искусственно синтезированы многие другие. Они совершили переворот в лечении многих очень тяжелых заболеваний, в частности туберкулеза.

Не может быть, рассуждали ученые, чтобы не было в природе противников вирусов — и тогда только найти их.

Больше всего противников ракового вируса оказалось среди культур грибов, широко распространенных в природе. Оказалось, что некоторые антибиотики настолько изменяли нарушенный обмен в раковых клетках, что некоторые виды опухолей у животных рассасывались. В то время было получено несколько пенициллинов, антижелезистых веществ из антибиотиков, которые в опытах на животных и при некоторых заболеваниях людей оказывали весьма положительное действие. Вот, например, к антибиотико олиоцидину оказывалось чудотворное действие даже раковые опухоли легких.

В дальнейшем это направление в науке получило широкое развитие, и теперь мы имеем полный набор препаратов, которыми можно лечить различные формы злокачественных опухолей.

И уже упомянул вам имя профессора Пауля Эрлиха — основателя химиотерапии, который очень скептически относился к возможности успешно лечить рак. Но именно химиотерапия, то есть лечение при помощи различных химических веществ, оказывало весьма положительное отдаленное влияние.

И отсюда можно, что на VIII конгрессе была дана сводка лекарственных веществ химиотерапевтического происхождения. В ней было обозначено около 30 наименований противораковых веществ, которые приходится преодолевать большие трудности, чтобы и антибиотик и лекарства химиотерапевтического синтеза «стреляли» только по раковым клеткам и не попадали в здоровые. Теперь мы уже располагаем мощным арсеналом таких средств.

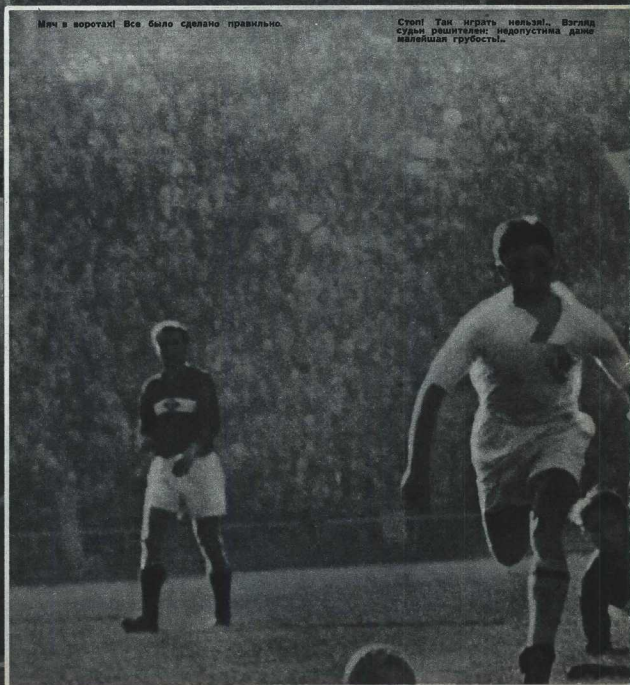
И не могу рассказать вам о всей этой драматической истории борьбы равама против злейшего врага человека. Моя цель была более простой — доказать, что ученые в начале шестидесятых годов нашего века действительно имели полное основание заявить, что в XX веке рак будет побежден.

ЖЕСТ

Мяч в воротах! Все было сделано правильно.

Стоп! Так играть нельзя!.. Взгляд судьи расценил: недопустима даже малейшая грубость.

СУДЬИ

Фото А. БОЧИННА.

Правила нарушения! Судья останавливает матч на 11-метровом штрафном — самое тяжелое наказание в футболе.

Угловой! Мононо подает мяч.

Лучшей судьей тот, которого не замечают ни футболисты, ни зрители. Это очень верно. Когда рефери опытен и судит уверенно, о нем невольно забывают. Каждое его решение становится единственно справедливым и неоспоримым. Составлены в этом случае приговоры, как говорится, без сучка и задоринки.

Но присмотритесь к судье повнимательнее. Как выразительны его жесты и действия!

Вот он дал резкий свисток и строго посмотрел на футболиста, пытаявшегося сыграть грубо. Одного этого взгляда достаточно, чтобы восстановить порядок. А вот мяч застрял в куче игроков, и начнется, невозможно разобрать, кто бьет по мячу, а кто по ногам. Раздается протестный свисток, заставляющий игроков забыть о борьбе. Зато резкий и разительный движение руки судьи, показывающее, в какую сторону надо бить штрафной.

И так на протяжении всего поединка.

Мы попросили фотокорреспондента А. Бочинна, сделать несколько снимков действий судьи в ходе двух матчей нынешнего сезона [играли футболисты ЦСКА с бразильской командой «Фламенго» и со столичным «Спартаком». Посмотрите, как выразительны жесты судьи Сергея Александрович Алмазова в самых различных игровых ситуациях!]

Что можно сказать о судье Алмазове! Это один из опытейших наших рефери. Изначер по профессии, Сергей Алмазов всей душой предан футболу. Раньше он играл сам. Его можно было видеть в тридцатых годах в составе московской команды «Наутилус», а после войны — в команде «Красная Роза».

Последние пятнадцать лет Алмазов судит футбольные состязания. С 1936 года он судит высшей квалификационной категории, иногда говоря, рефери высшей квалификации. Алмазов твердо стоит на strane футбольных законов. Его судейский авторитет очень высок!

Сопри матчей провал рефери Алмазов — и всегда оставался твердым и принципиальным. Спросите о нем любого из футболистов. Они в один голос ответят:

— Когда судит Сергей Александрович, играть легко и приятно. О нем забывают до конца матча, но, покидая поле, всегда хочется поблагодарить Алмазова за прекрасное судейство!

Джордж ГАРРЕТ

И С П И Т А Н И Е

РАССКАЗ

айдарка пересекла залив. Работая веслом, подросток внимательно наблюдал, как на спине у мужчины набухала мускулами, как легко и проворно двигались руки, как ловко весло загребало воду, почти не разбрызгивая ее. Парнишка старался грести в такт с отцом. Оба весла поднимались и опускались одновременно, поблескивая на солнце, и маленькая брезентовая лодка, легкая, как воздушный змей, быстро неслась по воде. В полутора километрах беспорядочно горбившаяся долина белесая коса, запиравшая залив от пролива Атлантического океана. Волны разбегались по ту сторону косы, еще не было видно, слышались только их рев, напоминавший раскаты далекого грома.

— Стоп! — крикнула через плечо отец. — Я устал!

Сын на легу задергал взмах весла и, вымалываясь вперед, приняв неудобно для отцовой позы, Лодка зачалась, как поплавок на воде.

— Слышишь, как они шумят сегодня! — сказала отец. — Настоящие великаны, а?

Извернувшись, он вылодочку глядел на сына и улыбался. «Жотче вынул!» Готов от восторга отшатнулся, — подумал мальчик.

— А по-моему, ничего особенного. Шумит, как всегда.

— Добреем — увидим, — возразил отец.

«Как это похоже на него! — думал мальчик. — Добрейше наклонен до самого океана и вернется ни с чем. Да, теперь он хотел бы вернуться. Но он знает, он не может не знать, что сейчас я думаю: «Ты не содержишь обещания. И вот он дойдет до океана, а там следов его будет не видно. Будет режина, что сегодня сыпнется бурно. Взглянет на волны, покажет головой и скажет, что, к сожалению, придется обожать будущего лета. Но ведь тогда будет слишком поздно»

— Знаешь что? — вдруг сказала отец. — Как только до нас донесется шум прибоя, мы выдвигимся к берегу с сетю пришло в голову что-то, о чем я уже сто лет не вспоминаю. Однажды во время войны, в Норвегии, нас проводила к фронту на лодке другой части. Я сидел в кабине грузовика, потому что был единственным офицером. И тут, на повороте дороги, я впервые слышал шум прибоя. Странное чувство овладело мной тогда. Услышал этот звук, я словно впервые осознал, что я на войне, на настоящей войне! Ты, видишь, здорово испугался тогда!

— Пожалуй. Но дело не только в страхе. Не знаю, как это обстоит тебе. Страх можно спускать физически — как усталость, как тошноту. Здесь было другое. Ко мне вдруг пришло ощущение, что я в кабине грузовика, лодку я, именно я и никто другой. Понимаешь: я один — и никого, кроме меня. Очень странное чувство.

По-моему, ты просто-напросто странно испугался.

— Не могу тебе втолковать, — сказала отец. — Раз ты сам не понимаешь, объяснить я не могу. Ну так, испугайся, испугайся подобно, тогда поймешь.

«Он опять вынул», — думал подросток. — По запаху слышно. Как вылезет, всегда начинает нести запах. Вылезет лишь о войне и говорит. Только одно из него и слы-

шнись все лето. Небожь, для него сегодняшний день ничем не отличается от других. Что ему? Ведь это последний день перед отъездом домой. Может быть, уже никогда не удастся испробовать лодку на волнах. Разве он думает об этом? А самое главное, он явно тревожится»

— Погребем дальше, что ли? — сказала парнишка вслух.

— Ладно. Я готов! — ответил отец.

Оба выпрямились. Сын поменял в ожидании и, увидев первое движение отца, рванулся вперед. Оба весла, свергнув, вонзились в воду. Парнишка слышала усилившийся грохот воды и, цури глаза от блеска утрированного солнца, видел, как далеко вад горизонтот подорвалась белая облака. Переводя взгляд на широкое пространство над ними, он наконец увидел и всем существом своим ощутил чудотворную, неповторимую зримость океана: она неизменно образовалась у самой косы, где падала и дробилась сверкающая брызгами.

— Я вижу! — закричал он. — Вижу, как там они бьются о берег!

— Ну да, они там, деваться им некуда, — ответил отец.

Когда в конце концов они достигли отмыка, сын, стараясь не раскатыть лодку, осторожно приставил, высвободив ноги и спрыгнув в воду, дождикомую ему до плеча. Подняв голову вперед, он пошито побрался мимо отца и, схватив короткий носовой платок, подтащил лодку к берегу. Стоя во весь рост на крутом носке, приглядываясь к его морским подвигам, он смотрел, как отец неуловимо выкабалился из переднего отверстия бадейки и потянулся в лодочной улюбкой.

— Дядюшному человеку в такой лодочке просто беда! Да, иной раз от высокого роста мало толку. Теперь все вещи делают как-то неудобно»

Сын, несколько шуплый и ма-

ленький для своего возраста, молча кинул.

— Тебе, впрочем, вряд ли придется об этом беспокоиться, он продолжал отец. — Ростом ты пошел в мать.

— Но я еще не перестал расти. — Да, окончательно еще неизвестно, как она парвала. Упомяк лод, который умудрился потом вытиснуться на целый фут. Конечно, такое редко бывает.

— Все готово?

— Как будто.

Он поднял лодку и, стараясь не опрокинуть, поставил себе на плечи. Отец стока впереди; он должен был прокладывать путь по дюнам. Лодка была тяжелее, чем казалась на первый взгляд. На воде она выгладела легкой, воздушной. Теперь же ее вес переместился по косой на плечи сына, и лодка чуть ли не до костей врезалась ему в думла. «Ничего, выдержу», — думал парнишка. — Перетану без отдыха хоть полнек всей косы, раз он того хочет!

— В погребке!

— Ясное дело. Пошли! — ответил сын.

Сын тронулся. Ногги взаим в мягком песке, ружу с трудом удерживал в равновесии длинный, громадный груз. Прижавшись лицом к брезенту, подросток не видел, куда лежит их путь. Он только следил за шагающими по песку ногами отца и старался идти в ногу. Сын начал выворачивать на дюну, и мальчик почувствовал, как тяжесть на его плечах увеличилась. Руки жали от напряжения, острый край все туже впинаясь в тело. От боли хотелось кричать, но мальчик не поддавался. Вдруг он с облегчением заметил, что слова идут по ровному, бодрый шломах морского ветра повеяла в лицо: он извернулся на греебень дюны.

— Хочешь передохнуть?

— Мне все равно, — ответил сын.

— Он и устал же и! — сказала отец. — Что поделаешь: годы уже

не те. Ну, давай спустим ее. Береги ноги!

Он опустил лодку на песок. Парнишка выгладился про себя: вкус поца на языке напомнил солоноватый вкус крови после драки, радостный вкус одержанной победы.

— Вот это зыб! — сказала отец, выламяясь в прибой. — С такими волнами шутить не приходится.

— Почему мы поплл через дюну? — спросил сын. — Легче было обойти ее кругом.

— Не играет роли. Как ни идти — расстояние одно.

Парнишка взглянул на прибой. Картина была изумительная. Вдали океан был спокоен и лишь длашка мертвой волны. Но ближе к берегу он вскинул огромными пенными волнами. Они возникали разованными линиями, набухали, вздувались, росли, и казалось, весь океан тотчас вздымается вместе с явью и гужу, покоряется под собой несущую косу. Но в эту минуту с ослепительным блеском, от которого захватывало дух, волны взрывались и грохот гужо раскатывался по всему побережью.

— Вода прибывает, — сказала мальчик. — Прилив еще не кончился.

— Какое счастье! — В волосо отца мальчик услышал ироню. Как только отец приглядел к стене, заставляла наконец доказать, что у него в жилах кровь, а не вода, он казался мальчику, вдруг отворачивался и напыляла какую-то лживую массу, за которой чувствовал себя в лодке безопасности. Сын испытывал странное ощущение. Отец, чудилось ему, превращался в одного из тех риженки, что ходят по улицам с размазанными рожами в кашу; дни все светлей, чудилось что-то жалкое в самоуверенности, с которой отец держался, словно голый король на склоне, нагроможденном в свое драгоценное, тонкотканое, сендальное новое платье.

Молча они подняли лодку и, спустившись с дюны, пошли по баданной дорожке из выброшенных водорослей на неровный, усевший камнями берег открытого океана. Поставив лодку на песок, взошел к воде, они уселись рядом. Отец закурив, поглядывая на чудовищный прибор.

— Хочешь парить?

— Нет, спасибо,— ответил парашки.

— Кури, если хочешь. Я знаю, что ты уже куришь. Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться об этом. Хочешь — бери. Ничего не имею против.

— Сейчас мне просто не хочется.

— Я уже позабыла о времени, когда была в твоём возрасте. Полюбовно удовольствия, пожалуй, закладывались в курение исподтишка.

— Мне просто не хочется.

Парашкие принял на ум слова: «Говорят, курение мешает расти» — но выговорить он их не мог. Почему-то, как только в голову приходил лодочный ответ, язык прилипал к гортани. И он боялся, что, если хоть раз даст себе волю и, подстрекаемый злостью и завистью, начнет говорить правду, слова хлынут из гортани без удержу, как врата. Разве отец поймет его, захлабившегося собственной хрипотой? Разве можно на это надеяться? Скорая от жевания что-то сделать, мальчик старался своего боссашия. Нахлывшись, он устоялся на приборе.

— Хайбуть для бороды, что ли? — проговорила отец, встал и, поринившись в лодку, вытащил рюкзаки, в котором хранились сухие полотенца, а иногда и сандалички. Он поставил рюкзаки на песок, вытащил бутылку, ухмыляясь и сделал основательный глоток.

— Не увлекайся,— сказал сын.— А вдруг тебя схватит судорога?

— Ты не можешь себе представить, на что это место было похоже в первые годы войны,— сказала отец.— Штормы, и подводные лодки превратили его в настоящее кладбище. Помню, пришла я сюда однажды, съюстри — весь берег усели связками зеленых бананов. Вот было зрелище! Я чуть не расхохотался.

— Стоит ему выжить, как начинают рассказы про войну,— думал сын.— Никак не может понять, что до войны никому дела нет. Маме-то уж во всяком случае. Сколько раз она твердила ему, что война канула в вечность, что пора уже говорить о чем-нибудь, более интересном для других.

— Что скажешь, обрившись к нему отец.— Справился, думается?

— Если будем осторожны. Выберемся за линию прибора, а там нужно будет только следить, чтобы не отстать от волны, когда она подхватит нас.

— Легко сказать! Лодочка-то довольно хлипкая. Как бы не разлетелась на куски, когда ее двинет волной.

— Авось, не разлетится.

— И море довольно бурное. Ты, вероятно, не представляешь себе, что значит вести лодку через прибор.

— Во всяком случае, можем попробовать. Пока не попробуем, ничего нельзя сказать.

— Кто это знает,— противил отец.— А ну, как с тобой что-нибудь случится? Мама мне этого никогда не прощит.

— А что может случиться? Я ведь умею плавать.

В самом деле — было ли в Москве в 1962 году лето! Мы спросили об этом наших вездущих фоторепортеров. Вместо ответа они положили на стоп фотографии: кому — как...

Объясниться, оказывается, можно и под дождем.

А было ли лето?

Фото Г. ДУБИНСКОГО, В. МИШИНА,
М. МУРАЗОВА, В. САККА, В. ТЮККЕЛЯ.

Много ли надо для счастья!

В ненастье дорога кажется романтичнее.

Солнце выжигало
как раз вовремя:
обед — можно поза-
горать.

Энтузиаст.

На пляже одиноко.
Лучше пойти в мо-
лодежное кафе.

В минувшее лето зонтиков было продано столько, сколько за прошлые
три года.

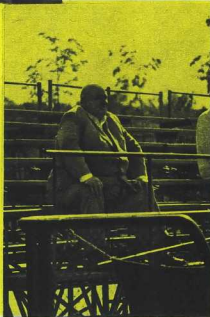

Бегство на юг. ↑

Деловой человек:
весело ждать.
(Фото сверху справа)

Велосипедистам и море
по колено...

Стойкому болельщику по-
лезло: дождался солнца.

Они, наверное, единственные, кто остался до-
волен мичущим летом.

Страсть победила непогоду. →

Обождать у костра — и
снова в путь.

ПОГОДА

Минимальная температура в Москве сегодня будет 10 гр., в 12 часов дня — 12 гр., тепла.

Максимум в Москве — 15 гр., в Петербурге — 12 гр., в Ленинграде — 12 гр., в Москве — 15 гр.

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

Вечерняя Москва. Вечер в Москве. Вечер в Ленинграде. Вечер в Москве. Вечер в Ленинграде. Вечер в Москве. Вечер в Ленинграде.

Закончил отчет о результатах экспедиции и отправил его на обсуждение в Академию наук СССР и в Комитет по метеоритам.

Обработка и обобщение фактического материала приводят к выводу о ядерном характере Тунгусского взрыва. Все основные выводы нашей первой экспедиции подтвердились. Получены и новые данные. Мы определили траекторию космического тела: оно двигалось с юго-запада на северо-востоку; его скорость была не более 5 километров в секунду. Стало ясно, что взрыв произошёл не за счет кинетической энергии движущегося космического тела, как это считалось ранее, а за счет внутренней энергии тела — химической или ядерной. Данные о радиоактивности и силе светового импульса говорят в пользу ядерной энергии. Теперь уже очевидно, что взвал леса произведен не Баллистической, а взрывной волной. И, наконец, ускоренный прирост растений в районе катастрофы, по нашему мнению, объясняется действием радиоактивных лучей, образовавшихся в почве в результате взрыва космического тела.

Как в прошлом году, отчет получил две оценки: ученые-физики отнеслись к нашей работе положительно, Комитет по метеоритам — отрицательно. Да, оказывается, убедить себя и убедить других — это далеко не одно и то же. Но что ж, нужно продолжить исследования и собирать еще более убедительные факты, чтобы позвать Истину и разгадать Великую Тайну.

24 августа 1961 г.

Мы снова летим! При поддержке президиума Академии наук СССР нам разрешено провести новые опытные работы в районе Тунгусской катастрофы.

Нас семь человек: Анатолий Девятов, Аня Дивеева, Юрий Ефремов, Светлана Семенова, Шамиль Яфаров, Юрий Вавилин и я.

В семь часов утра на самолете «Ми-2» вылетели из Красноярска в Кемью. Енисей покрыт густым туманом. Сверху он кажется широкой снежной долиной. Утро ясно, солнечное и тихое, как в летний день 30 июня 1908 года, — часом 15 минут.

Здесь в эти часы 53 года назад летел загадочный пришелец из космоса.

Визу медленно проливает тайга. И вдруг... Под крылом самолета показались густые белые хлопья. Сначала я думаю, что это облака, но потом соображаю, что это туман, так как хлопья висели на высоте не более 50—100 метров от земли и располагались вдоль долины узкой длинной лентой.

— Работы, сматриrei Ключеватый туман! — кричала я, хватая фотоаппарат.

Я долго искал, что же могло быть своеобразным перламутром экраном от светового излучения взрыва. Почему некоторые небольшие участки леса, даже в эпицентре взрыва, оказа-

ВСПЕДАМ ГОСТЯ ИЗ КОСМОСА

Окончание. Начало см. в №№ 17—18.

лись необожженными, а то время как кругом стоял обожженный лес? Облака! Но большинство очевидцев говорили, что утро в день взрыва было солнечным и безоблачным. Облака дыма! Но оно должно быть сплюснаты. Я искал причину в небе, а она оказалась почти на земле.

Когда дует ветер, туман быстро рассеивается. А когда ветра нет, то порой возникает условно, при которых, медленно поднимаясь, он отравляется от Земли и образует мелкие, но густые, непрозрачные хлопья размерами от нескольких десятков до нескольких сотен метров. Это-то хлопья тумана и могли предохранить отдельные участки леса от светового ожога!

Ключеватые хлопья мчались под нами почти в каждой долине. Мы непрерывно шелкали фотоаппаратами, фиксируя различные варианты туманных облаков. Я перестал фотографировать лишь тогда, когда кончился пленка.

* * *

На этом обрываются записи в дневнике, переданном редакции «Смены» А. В. Золотовым перед отъездом в новую экспедицию. Состоялся X Всесоюзная метеоритная конференция, созванная Комитетом по метеоритам Академии наук СССР. На конференции снова развернулась горячая дискуссия вокруг Тунгусской проблемы.

В связи с этим мы обратились к участнику конференции известному советскому астроному Ф. Ю. Зигелью с просьбой ответить на ряд вопросов.

— Что сейчас достоверно и бесспорно в проблеме Тунгусской катастрофы!

— Обширнейшими и не вызывающими сомнений следуюте факты. Тунгусская катастрофа была вызвана вторжением и взрывом космиче-

ского тела, а не какой-нибудь «земной» причиной. Тунгусское тело не было метеоритом в обычном понимании этого слова, то есть телом железным или каменным. Не было оно и железно-каменным куском космического вещества. Взрыв Тунгусского тела произошел на высоте 5—6 километров над земной поверхностью. Общая энергия взрыва составляла 10^{12} эрг, что эквивалентно взрыву нескольких крупных водородных бомб. Был лес в районе катастрофы носит строго радиальный («центральный») характер и вызван только взрывной волной. Тунгусское тело двигалось в земной атмосфере по очень пологой траектории, составлявшей с горизонтом угол не больше 8 градусов. Что касается скорости, массы, орбиты, физической природы космического тела, то они пока остаются спорными. Именно вокруг них и ведутся научные дискуссии. Разумеется, выяснение истины в первую очередь помогут дальнейшее изучение фактического материала и открытие новых фактов, относящихся к катастрофе.

— Какие новые аргументы высказали сторонники «метеоной» природы Тунгусского тела!

— В основном докладе, посвященном Тунгусской катастрофе, К. П. Флоренский повторил уже изложенные им в печати утверждения, что найденные им следы следствия магнетитовые и синтетические шарики есть остатки кометы. В докладе К. П. Станюковича рассматривалась грубо упрощенная схема испарения метеорита, вызвавшая критические замечания академика Б. П. Константинова, который указал, что эта схема сможет стать убедительной лишь при учете ряда дополнительных фактов.

К сожалению, автор кометной гипотезы в ее современной редакции академик В. Г. Фесенков в докладах и в печати ни единым словом не высказал своего отношения к Тунгусской проблеме.

Арти ТАКАМИШИВИ

РАССКАЗ

Рисунки И. ВОРИСОВА.

ной отпустил в нынешнем году и проехал на море. С мыслью о том, что часть этой бескрайней стихии — это валовые, восточной) на тридцать дней принадлежат и мне, а вписаны на голубе

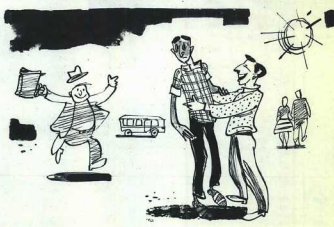
и принял собору и своим жаром...
Но море уже было распределено до последнего кусочка — это я определил, как только оннулся в него: вальсуюте, рукой и — бац!

огрел вышмырнувший из-под волны затылок... дунула ногой и — бац! — ного-то! легнул в спину... И все же я собой...
Но в один прекрасный день грипп свалил меня с ног.

Трипп, как говорили, был японского происхождения. И, конечно, куда ярче восточного — в два дни он сдурил меня, как триппу. Я вернулся в Тбилиси. Но вернулся не один: вместе с собой я привез... японского восточного...
— По приезде домой немедленно поинтересуйтесь Стронитесис людей! — так предостерег меня на прощание иерусалимский врач.

— Поинтересуй, иду по улице. Вый кого я вижу!

И вдруг: Не успел оглянуться — попал в чью-то дружеские тиски. Несколько мгновений мы

лем перешел в лагерь моих прованских.

«Что дерзаетесь? За-
ставьте подвигать открытую
дверь и вышвырните его
вон!» — назвал кто-то выход.
Как койбный, и вывел из
машины.

С тупором поресталая но-
ги, шел я по улице, как
вдруг в голову мне роди-
лась мысль: «А не восполь-
зуются ли мне немцы япон-
скими вирусами? Не напра-
вят ли их сознательно на
машину?»

Я высоко поднял голову,
выпрямил спину и, пытаясь
вспомнить в толпу, искал
жесткую. Но тех, кого я
искал, не было видно: они
убегали, они прятались от
меня.

И вот, когда надежда, на-
завось, готова была поме-
нуть меня, показались он.

Он стоял у входа и про-
сматривал газеты. Это был
мой знакомый по институту,
Он часто выступал на собра-
ниях и всегда ного-то про-
работывал. Обозначил он и
меня проработал за что-то.
После этого случая я его уже
терпеть не мог. Он мне ка-
зался очень завистливым и
злым. После окончания ин-
ститута его послали работ-
вать в район. И вот теперь
наш опять свела судьба.

— На каком приборе
используешь ты вирус? Мо-
бинскую все свои японские
вирусы для атаки на непри-
ятеля. Страшно возмущен.
А он стоит совершенно спо-
койно и с интересом читает
переводную статью.

Я глубоко, обоним легкими
ворона в себя воздух под-
нимаю руку и крепко хло-
пал его по плечу — именно
так, как это делают старые
друзья. Потом раскряхтел
обсуждая так широко, чтобы
у него не оставалось сомне-
ний — упасть в мхи или не
упасть, — и кричу:

— Ой! Ного я вижу!!!
Он испуганно обернулся.
Сразу узнал меня. Видно, не

НЕБЕСНЫЙ ПАСТУХ.

Рисунок А. АНИСИМОВА.

— ВОТ ВИДИШЬ, А ТЫ ГОВО-
РИШЬ: «НЕ ПОУЛД В ИНСТИТУТ—
ИДИ НА СТРОЙКУ!»

Рисунок А. ШЕРА.

— ОПЯТЬ ЗАЕЛОН!
Рисунок В. СПИРИНА (г. Белово).

ПЕПТУН ПРОГОЛОДАЛСЯ.

Рисунок Н. ШЕРБАКОВА (г. Коменск).

ТУРНИР ПРЕТЕНДИТОВ.
Рисунок Ю. МАКАРЕНКО.

— ТОЛЬКО ПОСЛУШАЯ, КАК
ИГРАЕТ МОЙ МАЛЬЧИК, ИЗ НЕГО
ВЫИДЕТ НАСТОЯЩИЙ АРТИСТ

Рисунок В. ПОЧУЧУЕВА.

Рисунок К. БОРИСОВА
по теме Ю. СТЕПАНОВА.

ожидал такой встречи, нере-
ально улыбнулся — мне.
Почти никто неосознанно
исполнил и, отрывая назад,
принял лицо. Я тут я ус-
ловно добромелательное:

— Не приближайся ко
мне! У меня насморк.
Руки мои опустятся. Я
готов был провалиться
снегоз землю.

Перевод с грузинского
В. КУГОНОВА.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартанская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутиатор Е 1-79-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы: литературы
и искусства — доб. 2-15; очерка и публицисти-
ки — доб. 3-52; международной жизни — доб.
3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; сатиры
и юмора — доб. 4-79; искусства — доб. 2-38; науки
и техники — Е 1-65-62; информации — Е 7-63-62;
оформления — Е 7-31-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакторы: Ю. Н. Верченко, Е. А. Дол-
матовский, С. В. Егоров [ответственный сек-
ретарь], В. А. Костров, В. А. Кочетов, В. Л. Разум-
невич [заместитель главного редактора],
Е. И. Рабчинков, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 00160. Подписано к печати 20/IX 1962 г.
Тираж 800 000 экз. Изд. № 1667.
Заказ № 2402. Формат бумаги 70х108/16.
2 сум. л. — 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газет «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

СМЕНА печатает рассказы и повести советских и зарубежных писателей, стихи поэтов молодых и уже известных читателю.

СМЕНА публикует очерки и статьи о твоих ровесниках, энтузиастах и романтиках — об их учебе, труде и отдыхе.

СМЕНА рассказывает о последних достижениях науки и техники, об интересных выставках, кинофильмах, театральных спектаклях, о произведениях музыки и живописи, о спортивных встречах.

СМЕНА выходит 2 раза в месяц. Подписная цена на год — 4 руб. 80 коп. На полгода — 2 руб. 40 коп.

На журнал ты сможешь подписаться во всех городских отделах «Союзпечати», в конторах и в отделениях связи, а также у общественных уполномоченных на предприятиях.

ВЫПИСКАЛ ЛИ ТЫ

«СМЕНУ» НА 1963 ГОД?

Цена номера 20 коп.

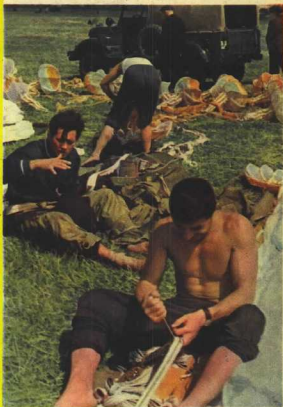

Фото В. ТЮКЕЛЯ.

Если смотреть с земли, над крошечными точками, отделившимися от самолета, вспыхивают цветастые брызги. Красивое зрелище! Но надо быть там, в вышине, чтобы ощутить не только красоту, но и волнующее чувство радости, которое возникает в минуты полета под куполом парашюта.

Оранжевые космы дымовой шапки, голубое небо, зеленое поле аэродрома... Сколько ярких цветов и как приятен этот ясный, солнечный день! Собрал купол парашюта, мастер спорта Светлана Крячек наблюдает за приземлением товарищей (снимок на первой обложке). У Светланы сегодня хорошее настроение: она только что «округлила счет», доведя число своих прыжков до шестидесяти...

Говорят: парашютизм — спорт сажалых. Это верно. Тут действительно нужны и отвага, и воля, и умение владеть собой в самых сложных условиях. Ведь прыгают не только летом, но и зимой, в обжигающий мороз, не только днем, но и ночью, не только на зеленом поле аэродрома, но и на воду, в лес, в горы... Смелость и отвагу надо воспитывать в себе терпеливо, настойчиво, непрестанно. Только это принесет и успех, и победу, и радость.

